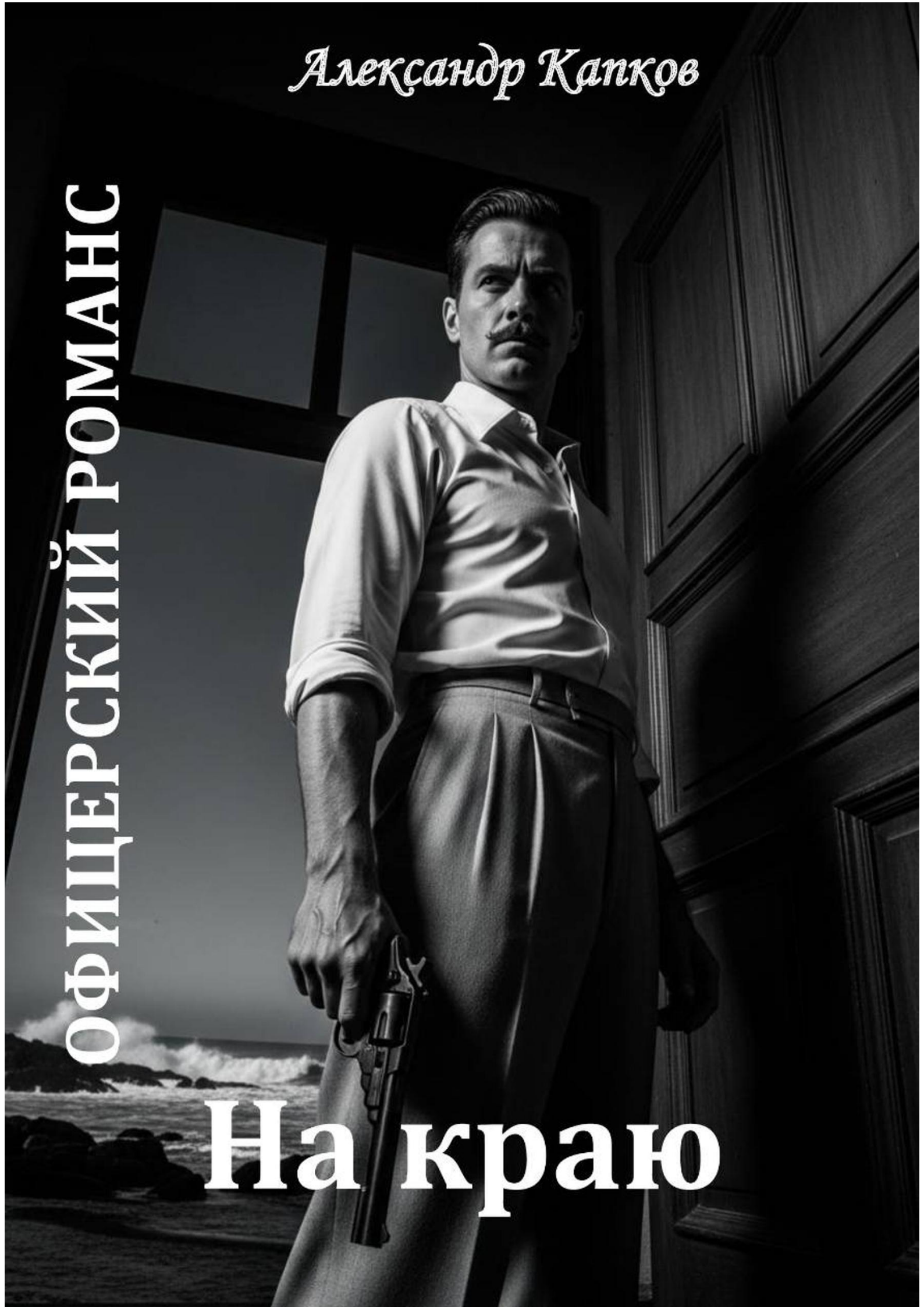

Александр Капков

ОФИЦЕРСКИЙ РОМАНС

На краю

Александр Капков

Офицерский романс. На краю

«Автор»

2026

Капков А.

Офицерский романс. На краю / А. Капков — «Автор», 2026

1938 год. Антон Изломин, директор сельской школы и бывший белогвардейский поручик, оказывается в тюрьме НКВД. На свободу есть только один билет — участие в тайной операции за рубежом. Изломин принимает условия чекистов: стать «наживкой» в охоте на собственного дядю. Резидент советской разведки Дмитрий Столяров отказался возвращаться на родину и скрылся на другом конце света — в Уругвае. Спецгруппа отправляется через океан в Монтевидео. Но ситуация осложняется противостоянием с агентами абвера, также идущими по следу беглого разведчика. В предвоенном хаосе, где Южная Америка становится полем боя тайных служб, Изломину предстоит выбор: исполнить роль до конца или попытаться переиграть обе стороны, чтобы спасти и себя, и дядю.

© Капков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	6
Часть первая. Путешествие на ту сторону	8
Глава первая. Арест	9
Глава вторая. Первый допрос	15
Глава третья. Метод Торкина	20
Глава четвёртая. Ультиматум	24
Глава пятая. Ксения	29
Глава шестая. Матвеев	33
Глава восьмая. Вербовка	40
Глава девятая. В Москву	44
Глава десятая. Главное управление	49
Глава одиннадцатая. Порт прибытия – Гавр	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Офицерский романс. На краю

Глава

Моим трем музам: Надежде, Марии и Александре - посвящается

– *Что же об этом скажет история?*

– *Солжёт, как всегда!*

Эжен Скриб «Стакан воды»

Хотя в произведении упоминаются реальные исторические личности, страны или существовавшие ранее государства, все главные события и персонажи вымышлены и являются плодом воображения автора.

Любые совпадения с действительностью могут быть как спланированными, так и случайными.

Пролог

Июнь 1938 года. Марсель

Дмитрий Сергеевич Столяров, высокий крупный мужчина лет пятидесяти, одетый по летнему времени в полотняный костюм-тройку, вышел на улицу из подъезда дома, где арендовал квартиру. Перед этим он отдал консьержу ключ и теперь в левой руке нёс небольшой чемодан, а свободной правой призывно помахал такси, стоявшему на другой стороне улицы, метрах в двухстах. Табличка на нём не горела. Это значило, что клиент договорился с таксистом заранее. Пока одетый в форменную одежду молодой человек за рулём заводил мотор, резкий порыв ветра с моря сорвал шляпу со Столярова, и она покатилась по тротуару. Но бег её был недолгим. Мальчишка, крутившийся рядом, догнал шляпу и вернул владельцу. Столяров сунул руку в карман брюк и вручил ему несколько мелких монет за труды. Консьерж, вышедший следом за Дмитрием Сергеевичем, громко пожелал тому приятной поездки, тоже, видимо, рассчитывая на чаевые. Он не ошибся. Столяров, которого здесь, в Марселе, знали как месье Гошэ, прощаясь, передал ему купюру, принятую с благодарностью.

Марсельские таксисты имеют свой неповторимый шик. Они привыкли передвигаться по извилистым и узким улицам необычайно быстро, даже если нет никакой спешки. Этот не был исключением. Он не подъехал, а подлетел на своём рено к клиенту, резко нажал на тормоз, и автомобиль остановился как вкопанный. Таксист вышел из машины, поздоровался и протянул руку за чемоданом, собираясь положить его в багажник.

За всем, что происходило на улице, внимательно следил человек, сидевший у окна в кафе напротив. На нём были чёрные брюки, белая рубашка с расстёгнутым воротом и закатанными до локтя рукавами. Длинные волосы, зачёсанные назад, молодое лицо и располагающая к себе улыбка в сочетании с худощавой фигурой делали его похожим на студента. Тем более что на столике рядом с ним лежала стопка книг. Лишь пристально взглядевшись в его лицо, можно заметить, что этот посетитель кафе не так уж молод и ему явно больше тридцати. Ещё он был взволнован, хотя и старательно прятал своё состояние от окружающих. Дело даже не в четвертой выпитой им чашки кофе, а в том, как он непроизвольно сжимал и разжимал кулаки. Волнение этого человека было вполне объяснимо: он впервые проводил самостоятельную операцию. На обычный взгляд она казалась чрезвычайно простой. Нужно всего лишь проследить за отправкой в СССР ответственного сотрудника заграничной резидентуры, подстраховав от всяких неожиданностей. Для этого, кроме его самого, вблизи находились четверо подчинённых ему агентов. Один играл роль таксиста, а второй готовился сесть в такси в последний момент, напросившись в попутчики. Ещё двое прикрывали их, контролируя обе стороны улицы.

Столяров сел на заднее сидение автомобиля. Таксист уселся за руль, а опаздывающий якобы попутчик начал свой бег к такси, громко крича и размахивая газетой. Успокоившийся наблюдатель в кафе поднёс пятую чашку кофе ко рту и замер от неожиданности, разжав пальцы. Чашка плюхнулась мимо блюдца обратно на стол, разбрызгивая коричневые капли по его поверхности. Дмитрий Сергеевич не остался в такси, а выбрался из него через другую дверь и быстро перебежал дорогу. Он вошёл в кафе, оказавшись прямо перед вскочившим на ноги наблюдателем. Столяров сильно ударил вставшего ребром ладони по шее, усадив обратно на стул и, не задерживаясь, проследовал мимо к служебным помещениям. Через кухню он вышел в коридор и по нему добрался до выхода во двор. Там Столярова ждал велосипед, на котором он и скрылся от запоздалого преследования.

Все эти события заняли буквально две минуты, не дав агентам опомниться.

Руководитель операции потерпел фиаско и хорошо представлял, каким боком выйдет ему бегство Столярова.

Чтобы убежать и затем успешно скрыться от преследователей, необходимо подготовиться к этому заранее. Истина простая и не требующая проверки. Причём сделать надо всё так, чтобы фактор неожиданности был на стороне беглеца. Дмитрий Сергеевич с его огромным опытом определённого свойства не так давно заметил некие нюансы, возникшие в отношениях с руководством. Хорошо осведомленный о том, что происходит в стране, он понял: ему перестали доверять там, наверху. Подобное недоверие неминуемо завершилось бы приказом о немедленном возвращении в Москву, а затем привело бы его к скорой смерти с клеймом предателя. У Стоярова оставалось время для принятия как самого решения, так и разработки плана его последующего осуществления. Выхода было всего два. Первый – подчиниться. «Раз не виноват, то с ним ничего не будет». Эту мысль настойчиво внушал коллега. Тот и доложил куда следует о сомнениях, посетивших Дмитрия Сергеевича. Что, кстати, не спасло его самого от расстрельной стенки. Второй выход – перейти на сторону врагов, перебежать на другую сторону. Его выбирали лишь отдельные агенты. Как, к примеру, Вальтер Кривицкий¹. За всё время службы в разведке Стояров знал очень мало таких случаев. Выбор подобного решения означал постоянную боязнь возмездия. Порой этим дело и кончалось. Дмитрий Сергеевич выбрал своеобразную разновидность второго решения. Он бежал тайно, не вступая ни в какие контакты. Просто исчез. Заинтересованным в поисках пришлось потратить немало времени, чтобы обнаружить его следы и начать охоту...

¹ Кривицкий Вальтер Германович – сотрудник советской разведки и органов государственной безопасности. В 1937 году попросил политического убежища во Франции.

Часть первая. Путешествие на ту сторону

Все приличные люди начинали в разведке.

Генри Киссинджер

Глава первая. Арест

Подходя к зданию школы, Антон сразу заметил тянувшийся из кустов сизый дымок. Он оглянулся по сторонам: не видит ли кто. Легко перепрыгнул через палисадник и, осторожно ступая, зашел за кусты. Двое мальчишек испуганно дернулись, увидев прямо перед собой директора школы. Но бежать было поздно. Они уныло опустили головы, топчя ботинками папиросные окурки.

– Так! Попались, граждане ученики! – сдерживая себя, чтобы не улыбнуться и тем самым не снизить педагогический эффект от предстоящего внушения, строго сказал Антон, лицезрея стриженные макушки.

– Ковров и Суварцев! И где? Под стенами родной школы! А ведь кто-то слово давал на совете дружины. Кто бы это мог быть, а Ковров? Не знаешь? А я знаю. Ты и давал.

Леонид Ковров запунцовел лицом и тяжело вздохнул.

– Да мы только чуть-чуть. Антон Юрич, простите нас, пожалуйста, – затынул плаксивым голосом Суварцев. Он был изрядным нарушителем школьной дисциплины, но еще ни разу не попадался за курением и потому надеялся отделаться легким испугом. А вот Ковров, которого уже неоднократно ловили за этим занятием, бросил на директора такой отчаянный взгляд, что всякое желание отчитывать семиклассников у Антона пропало.

– Ну, что скажешь, Леонид? – строго спросил он у Коврова.

– Виноват я, Антон Юрич. Не могу бросить!

Слышать такое от четырнадцатилетнего пацана было довольно смешно.

– А как же Павел Корчагин²? Он-то сумел отказаться от курения сразу. Вот с кого вам надо брать пример. Наша дружина носит имя писателя Николая Островского, автора книги «Как закалялась сталь», а ее пионеры ведут себя совсем не по-корчагински, — наставительно произнес Антон, потешаясь в душе над незадачливыми курильщиками.

– Кто принес папиросы? – спросил он уже другим тоном. И добавил:

– Только не врать.

– Я! – пискнул Суварцев, несомненно, придавленный тяжестью обвинения.

– Сдать, – кратко приказал Антон.

Коля Суварцев вытащил из кармана куртки затертую пачку «Беломорканала» с тремя оставшимися папиросами.

– Некогда мне с вами разбираться. Уроки начинаются. После поговорим. А сейчас марш в школу!

Курильщики подхватили свои сумки, до того валявшиеся на пожухлой траве газона, и бегом устремились к школьной двери. Не успела она захлопнуться за ними, как заливисто зазвенел звонок. У него самого первого урока не было, и он мог не спешить. Интересная, между прочим, особенность: ученики начинают попадаться за курением именно в выпускном – седьмом классе. Младшие если и курят, то далеко от школы и более тщательно прячутся.

Войдя в опустевший после звонка вестибюль, Антон привычным взглядом оглядел: все ли в порядке. Поздоровавшись с вахтером Степаном Ивановичем, он прошел длинным коридором до самого конца, где располагалась учительская, а уже за ней – директорский кабинет, который имел два входа: один из учительской, а другой из коридора. В учительской также находился стол завуча. Несколько лет назад, еще до его назначения, кабинет завуча пришлось превратить в класс из-за увеличившегося количества учеников. Так Евдокия Кирилловна и осела в учительской.

² «Как закалялась сталь» – роман Н. Островского, вышедший в 1934 году. Главный герой романа – Павел Корчагин был символом стойкости, мужества и преданности идеалам.

Антон сразу прошел в свой кабинет, разделся, повесив на вешалку пальто и шерстяную кепку, которую носил и осенью, и зимой. Он пригладил волосы перед стеклянной дверцей шкафа и поправил узел галстука аля «Виндзор». Будучи во многих отношениях типичным советским гражданином, Антон Юрьевич Изломин, сорока полных лет от роду, тем не менее, питал мало прощительную обществом слабость к хорошо сидящим пиджакам и изящно повязанным галстукам. У него в личном гардеробе имелось всего два костюма, которые носились им попеременно. И, надо отметить, с большой аккуратностью. Сегодня на Антоне был темно-синий, в мелкую клетку двубортный пиджак и такие же брюки с манжетами. Благодаря качеству материала, костюм служил ему верой и правдой уже три года. Отлично пошитый стариком-портным в районном центре, он сидел на директоре школы безупречно, выгодно отличая его от других учителей-мужчин. Убедившись в правильности повязанного узла, Антон через другую дверь прошел в учительскую.

Это была большая прямоугольная комната, уставленная старыми канцелярскими столами, на которых пачками лежали тетради, книги и различные нужные бумаги. Сумрачный свет октябрьского утра освещал учительскую через большие окна без штор. В углу стоял большой письменный стол с черным телефоном, за которым и сидела завуч Евдокия Кирилловна. По возрасту она была старше всех в школе. Педагогическую деятельность начала еще до Октябрьской революции и почти также долго заведовала учебной частью. К Изломину она внешне относилась индифферентно, но Антон знал, что Евдокия Кирилловна не раз и не два защищала его в районо³. Ее любимым присловьем было выражение: «Не ошибается тот, кто ничего не делает». Всегда строго причесанная и предпочитающая платья темных тонов, она обладала необычайно пронизательным взглядом, от которого было невозможно скрыть даже самое мелкое происшествие.

Вот и сейчас, ответив на приветствие директора, Евдокия Кирилловна спросила:

– Что, опять курильщиков гоняли?

– И как вы узнали? – ответил вопросом на вопрос Антон, выкладывая на стол мятую папиросную пачку. – Трофей.

– Это наш секрет, – усмехнулась завуч.

Но вскочившая со своего места за шкафом пионервожатая Танечка тут же отрапортовала, что они с Евдокией Кирилловной видели, как он прошел мимо окон, и удивились: почему его так долго нет.

Девятнадцатилетняя Татьяна робела перед Антоном. И при общении с ним, пусть и сугубо деловом, неминуемо начинала рдеть таким маковым цветом, чем вызывала шуточки и насмешки женской части педагогического коллектива. Антон все это видел, но предпочитал не замечать. Директором Сулянской неполной средней школы он стал всего два года назад и не полностью освоился со своим положением руководителя и непререкаемого авторитета.

– Наверное, опять Ковров? – спросила она, немного нервно отбрасывая назад густую и пышную косу. – Ну я ему задам!

– Подождите, Таня, – сказал Антон, обращаясь к вожатой, внимающей ему с немимым обожанием. – Я думаю, нам нужно серьезно изучить вопрос с курением. Одного пропесочивания, наверное, будет мало. У меня есть пара идей, как подойти к этому вопросу творчески. Надо обсудить после уроков. Хорошо?

Татьяна с готовностью кивнула.

– А вам звонил Иван Сергеевич, – вспомнила завуч.

– Лебедев? Когда? – живо обернулся к ней Изломин.

– Буквально за десять минут до вашего прихода. Он просил вас зайти к нему утром, чтобы вернуть какую-то книгу. А то он в десять часов уезжает.

³ Районо – районный отдел народного образования, орган управления школами.

Максим Лебедев занимал на их железнодорожном узле должность парторга. Изломин сблизился с ним на почве любви к чтению. И они часто обменивались интересными книгами.

– Точно! – хлопнул Антон себя по лбу. – Я совсем забыл. Два дня таскаю ее в портфеле.

Он вскинул руку и посмотрел на свои наручные часы.

– Сейчас семь минут девятого. Пешком туда-сюда. Выйдет минут тридцать, не больше. Должен успеть. Татьяна Афанасьевна, если я немного опоздаю, подмените? У меня второй урок. Немецкий в 6 классе. Хорошо?

– Конечно, можете не беспокоиться, - вновь вскочила вожатая, снова собираясь покраснеть. Но Антон, не дожидаясь этого удивительного психологического феномена, вернулся в свой кабинет, чтобы одеться. Зато Евдокия Кирилловна внимательно посмотрела на Татьяну и понимающе улыбнулась. Вожатая была не единственной в женской части их педагогического коллектива, кто попал под мужское обаяние директора. Но никто, кроме нее, не выражал свою влюбленность так беспомощно и открыто.

От школы до железнодорожной станции по шоссе получалось километра два. Но если спрямить, пройдя через пустырь, выходило и того меньше. В их медвежьем углу станция и локомотивное депо считались главными предприятиями. И большинство жителей поселка работали там. Меньшая часть трудилась на лесопилке. Главным богатством района был лес, который и вывозился по железной дороге. Широким шагом Антон быстро шел по обочине, зажав под мышкой толстый том Алексея Толстого «Петр Первый», аккуратно упакованный в бумагу и перевязанный бечевкой. Несмотря на холодную и ветреную погоду, ему очень скоро стало жарко от интенсивной ходьбы. Антон расстегнул пальто и размотал шарф. Шоссе было пустынным. Все население трудового возраста находилось на работе, и празднующихся в это время не встретить. Зато его обогнали несколько машин, и последняя резко затормозила. Из кабины выглянула голова шофера.

– Здравствуйте, товарищ директор! На станцию? Садитесь! Подвезу.

Антон поздоровался, открыл пассажирскую дверцу ЗИС⁴а и сел в кабину. Лицо шофера показалось ему знакомым, но и так было понятно, что это родитель кого-то из учащихся в школе детей.

– Не узнали? – спросил тот, широко улыбаясь. – Чистяков я. Федор. Балбесы мои у вас учатся.

– Как же, как же. Ким Чистяков в седьмом классе и Анатолий в пятом.

– Точно! – восхитился шофер.

В школе училось более двухсот учеников. И многих из них Антон, работавший учителем еще с 1931 года, знал и в лицо, и по фамилии.

Он был готов ответить на вопросы Чистякова-старшего. Однако тот начал издалека, вспомнив сначала про собственную учебу. Антон узнал про крайне малые успехи Федора в начальной школе и о том, что читать и писать по-настоящему он выучился уже в Красной армии. Тут грузовик въехал на территорию станции. И Чистяков, ловко объехав эмку, приткнул тую вплотную к тротуару, остановился напротив двухэтажного краснокирпичного здания, расположенного рядом с депо. Антон тепло поблагодарил шофера, выбрался из кабины и вошел внутрь. Он сразу же устремился на второй этаж, где находился кабинет Лебедева. Поднявшись по лестнице и успокоив дыхание, Антон пошел по коридору, сейчас пустому, и остановился у двери без таблички. Он усмехнулся, вспомнив, что переселившийся в этот кабинет еще месяц назад парторг так и не удосужился ее повесить.

Антон постучал. Не дожидаясь ответа, заглянул в дверь.

⁴ ЗИС-5 («трёхтонка») — советский среднетоннажный грузовой автомобиль грузоподъемностью 3 тонны. Выпускался с 1933 на Заводе имени Сталина в Москве.

Лебедев был на месте. Он сидел за столом и разговаривал с двумя незнакомыми Антону мужчинами, находившимися в его кабинете. Гости были достаточно молоды и одеты по-городскому, в драповые двубортные пальто. Один из них держал на коленях шляпу, большую редкость в здешних местах.

«Даже не из района, а из области», - подумал Антон и спросил, остановившись на пороге: – Здравствуй, Иван! Может, я не вовремя?

– Что ты. Заходи. Я тебя ждал.

Он приветственно поднял руку, приглашая Антона в кабинет. Обычно живой и говорливый Лебедев показался Изломину чем-то недовольным.

«Наверное, служебные неприятности», - подумал Антон, решив отдать книгу и не задерживаться даже на короткий разговор.

Хотя, благодаря Чистякову, время на это у него было.

Войдя в кабинет, Антон невольно насторожился. Гости Лебедева повели себя тоже несколько необычно. Тот, что сидел со шляпой на коленях, повернулся к нему и стал разглядывать так внимательно, будто вместо Антона к ним вошел известный киноартист.

Другой же и вовсе встал со стула и, обойдя Изломина по широкой дуге, зашел за спину, отрезая от двери. Мужчина со шляпой сидел, казалось, расслабленно, держа правую руку в кармане расстегнутого пальто, но от него прямо несло настоящей опасностью. Мускулы Антона напряглись сами собой. И он, дойдя до середины комнаты, остановился. Все же его сознание, избалованное долгими годами мирной жизни, отчаянно не желало допускать мысль о самом плохом, что могло с ним случиться.

– Я принес тебе книгу, – сказал Антон спокойным тоном, все еще надеясь, что инстинкты его подвели. – Получил массу удовольствия. И хотелось бы после обсудить.

– Спасибо, Антон. Очень хорошо, - не совсем к месту ответил Лебедев.

Он протянул руку за книгой и невесело произнес:

– А вот тут тебя товарищи дожидаются.

– Да? – искренне удивился Изломин. – Откуда? Из облоно?

Его разум все еще сопротивлялся реальности, пытаясь найти подходящее объяснение происходящему, уже сознавая, что наступает что-то тяжелое и неотвратимое, выхода откуда не будет.

– Изломин Антон Юрьевич? – спросил его франт, поднимаясь со стула.

– Да.

Антон с трудом сохранил самообладание, окончательно убедившись в том, что с ним случилось то, чего в глубине души он ждал и боялся весь последний год.

– Вы арестованы. Вот ордер.

«Вот и все. Легко и просто. Ловушка захлопнулась. А я-то, дурак, торопился изо всех сил. Мог бы и не спешить». Усилием воли Антон заставил себя промолчать, чтобы обойтись без глупых и ненужных вопросов: «Как? Не может быть! В чем я виноват? Конечно, на них не ответят. По крайней мере, сейчас».

Под напряженными взглядами оперативников НКВД (Кем же еще они могли быть?) Изломин молча поднял руки и дал себя обыскать.

– Ничего, - доложил до того молчавший мужчина, подошедший к нему сзади. - Одна связка ключей и авторучка. Ни оружия, ни документов.

– Где ваш паспорт? - спросил франт, подбросив связку в руке.

– Дома. В моей квартире.

– Хорошо! Нам все одно туда заезжать.

Франт надел шляпу и подал знак второму энкеведисту, обозначая свое начальственное положение.

– Пойдем, - буднично сказал тот, тронув Антона за плечо.

Изломин повернулся к двери. В голове его образовалась пустота, очень похожая на ступор, но внешне он старался держаться спокойно. Трое вышли на улицу и сели в тот самый автомобиль, на который обратил внимание Изломин на пути сюда. Его посадили на заднее сиденье, рядом сел второй, а франт – впереди, рядом с шофером. Он повернулся к арестованному.

– Сейчас мы поедem к вам домой и вместе с вами, Изломин, пройдем в квартиру, проведем небольшой осмотр ваших вещей. А вы передадите нам свои документы. Так что без эксцессов, пожалуйста. Иначе мы будем действовать жестко. А вам это надо?

– Нет, - ответил Антон.

– Значит, договорились, - удовлетворенно произнес франт и повернулся к шоферу.

– Поезжай.

Автомобиль развернулся и поехал в сторону поселка. Антон тупо смотрел в окно. Как и любой другой человек, живущий в непростые времена, он не мог не думать о том, что карающий меч советского правосудия, особенно активно действующий последние годы, может обрушиться и на него. Причин этому достаточно. Взять хотя бы чуждое происхождение. Сейчас врагами народа объявляют первых лиц государства, невзирая на их заслуги. Что тогда говорить о простых смертных? Разве не стремление обезопасить себя заставило его остаться в этой глухой северной области, подальше от столиц и больших городов? Он знал, что честно трудился, ничего не нарушал и не сделал ничего такого, за что бы его можно было арестовать. Ни в личной, ни в профессиональной деятельности. Но также был уверен и в том, что для власти это все не важно. Если ей понадобится его арестовать и судить, то он будет арестован и осужден. У них в поселке в прошлом году были взяты двое: начальник станции и инженер депо, обвиненные во вредительстве. В самом районе счет севших по политическим статьям шел уже на десятки. Среди них были партийные и советские работники, врачи, агрономы и учителя. Почему бы к ним не присоединиться директору школы, в особенности происходящему из дворян? Ничего хитрого в том не усматривалось. Обычная практика. Особенность заключалась в ином. Странно, что его арестовали не ночью дома и не на работе, что было естественным развитием событий. Но объяснение этому найдется.

За окном автомобиля промелькнуло здание школы. Антон грустным взглядом проводил знакомые окна. Он вспомнил и огорчился, что сегодня его уроки пропадут. И только завтра завуч найдет ему замену. И как еще отнесутся к его аресту учителя? Дружно осудят. Деваться им некуда. Найдутся, наверное, и те, что станут переживать. Назначат нового директора. И все пойдет своим чередом.

Эмка остановилась возле длинного одноэтажного дома, где в коммунальной квартире жил Изломин. Населяли дом люди рабочие. И днем он почти всегда пустовал. Поэтому никто не видел, как Антон в сопровождении своих конвоиров вошел в квартиру. Осмотр был проведен быстро и спустя рукава. Вернее, так ему подумалось. Нет. Сотрудники НКВД заглянули везде, где можно, даже пол простучали. Однако действовали они достаточно сдержанно и щадяще: ничего не сломали, не вспороли матрас и не разбросали его книги по полу. Через полчаса франт посмотрел на часы и сказал, что пора выдвигаться. Забрав паспорт и военный билет Антона, энкеведисты повели его к выходу. Ключи от квартиры и комнаты они тоже унесли с собой.

– Поехали, - приказал франт, когда сели в автомобиль.

И больше не раскрывал рта, как и все остальные, до самого областного центра. До него они добрались через три часа. На окраине города франт приказал водителю остановить машину.

– Время к обеду, – сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. – Надо бы заморить червячка. Здесь столовая хорошая. Зайдем.

Вчетвером они пообедали в столовой завода имени Куйбышева и дальше уже без остановок доехали до областного управления НКВД.

– Вот и все, – сказал Изломину франт, когда его доставили ко входу во внутреннюю тюрьму. – Дальше без нас.

– Лебедеву привет, – не удержался от кривой усмешки Антон.

Франт пристально посмотрел на него и совсем не зло улыбнулся.

– Я Ваньку Лебедева знаю очень давно. Ему спасибо скажи, что сюда доехал как человек и без наручников.

Принявший его дежурный следователь с двумя кубиками на малиновых петлицах, совсем молодой и куда-то спешащий, за десять минут провел формальный допрос и отправил Изломина в камеру. Когда за Антоном закрылась дверь, он, уже без галстука, ремня и шнурков на ботинках, вдохнул спертый воздух давно непроветриваемого помещения и окончательно поверил, что случившееся с ним – не фантазмагория, а самая что ни на есть реальность, данная людям, по словам почившего в бозе вождя, в ощущениях.

Глава вторая. Первый допрос

– Итак, – человек в сером штатском костюме оторвался от бумаг и посмотрел на Антона, – я следователь по вашему делу. Зовут меня Николай Михайлович Торкин. А вот просить вас любить и жаловать я не стану.

Он хмыкнул. Следователю сразу не понравился этот худощавый шатен с тёмными усами, похожий на гвардейского офицера старорежимных времён. Торкин был невысоким и плотным, в возрасте ближе к пятидесяти годам, с заметным брюшком. Видимо, вследствие кабинетной работы. Волосы цвета соли с перцем он зачёсывал назад, оставляя открытым покатым лоб. Глаза у следователя были цепкие, с прищуром, однако совершенно нестрашного водянисто-голубого цвета. На гладковыбритом лице выделялись губы, мясистые и пухлые. Такие больше подошли бы привыкшему к разврату римскому патрицию, а вовсе не суровому сотруднику органов внутренних дел. Следователь, как подумалось Антону, состоял, наверное, в немалых чинах и точно не местный. Скорее всего, из Москвы. Костюмы и причёски, точь-в-точь как у него, изображались почти на каждом плакате, представлявшем типичного советского гражданина. И даже резкий аромат «Шипра» не выбивался из этого образа. И всё же демонстрируемая им манера вести разговор и вальяжное поведение указывали на столицу. Рядом с такой респектабельностью Антон явственно ощутил неприглядность собственного облика. Он был не причёсан, с отросшей щетиной на щеках и подбородке и в мятом, впитавшем запахи камеры костюме. От такого вот типа вполне можно ждать чего угодно. В том числе и вредоносных мыслей.

Попав в камеру, Антон просидел в ней три дня. Привыкал к неволе. И вот сегодня утром его привели на допрос.

– Давайте начнём, – мягким, обволакивающим тоном проворковал Торкин. – Я зачитаю ваши личные данные, а вы скажете: нет ли в них ошибок. Договорились?

Несколько удивлённый арестант ответил утвердительно. В камере ему о допросах рассказывали другое.

– Изломин Антон Юрьевич. Родились 15 июня 1898 года во Владивостоке. Социальное происхождение — из дворян. Беспартийный. Семейное положение – холост. Образование высшее филологическое. Место работы — директор Сулянской неполной средней школы. Всё верно? Я ничего не упустил?

– Да, всё верно, — подтвердил Антон.

– Ну что же, когда мы с вами таким образом познакомились, я хотел бы более подробно рассмотреть некоторые аспекты вашей биографии. Не возражаете?

Следователь вёл себя таким душкой, что Изломину поневоле сделалось жутко. Он сидел на привинченном к полу табурете в мрачной бетонной клетке, и вежливость Торкина приводила к противоположному эффекту. Антону захотелось, чтобы тот перестал притворяться и выказал поскорее свою недобрую сущность. Он заставил себя встряхнуться и быть готовым ко всему.

– Какие могут быть возражения в моём положении?

– И вопросов у вас ко мне нет?

Торкин доброжелательно посмотрел на Изломина, как бы посылая ему совет быть посмелее. Антон решил тому последовать.

– До сих пор я так и не услышал, в чём меня обвиняют.

– Хорошо, хорошо! Не буду делать из вашего обвинения тайну.

Торкин вновь хмыкнул. Только погромче.

– Вас, гражданин Изломин, обвиняют в заговоре, направленном на свержение Советской власти.

Если бы сейчас потолок обрушился на голову Антона, он и то был бы поражён меньше. Подобное обвинение грозило ему не десятью годами лагерей за политическую незрелость или какое-нибудь вредительство (на что он надеялся), а самым настоящим смертным приговором. Он обещал себе не унижаться и не задавать глупых вопросов. И всё же не сдержался, спросил:

– Как же это возможно? Какой заговор? Я живу в глуши и учу детей.

После таких вот вопросов, как явствовало из рассказов бывалых людей в камере, следователь должен был бы заорать на арестанта, обзывая мразью, сволочью или какими-то ещё непечатными словами из своего «богатого» лексикона, а то и врезать кулаком по классово чуждой морде. Для острастки, чтобы не умничал. Торкин ничего подобного делать не стал. Он удовольствовался ехидной улыбочкой и сказал:

– Как случилось, я и собираюсь узнать. С вашей, естественно, помощью.

Дав Антону минуту на примирение с действительностью, следователь продолжил:

– Не переживайте вы так. Вон как побелели. Вашу вину мы докажем. Обязательно. Проведём следствие со всей необходимой тщательностью. Беспристрастно. В рамках социалистической законности, разумеется.

Антон подавленно молчал.

– В каждом конкретном случае лучше перебдеть, чем оставить на свободе врага советской власти, — менторским тоном сообщил ему Торкин. — А насчёт вашей глуши тоже мысли имеются. Надо будет посмотреть, чему вы учили советских детей. Так-то. Но это всё потом. Пока меня интересует исключительно ваше прошлое. Давайте плясать от печки.

Согласие Антона не требовалось. И он опять промолчал. Он смотрел, как следователь копается в бумагах. Папка с его делом была толстой. Ему стало интересно: что же там такое написано? Он уже был осведомлен, что первыми в дело ложатся доносы, а затем показания самого обвиняемого. Их выбивали, применяя пытки. Обычно таких материалов становилось достаточно для обвинения и приговора. Так работало следствие. Торкин демонстрировал иной подход. Оставалось выяснить: зачем ему это? Какой результат он желает получить? Антон ждал.

– Для начала расскажите о своём образовании. Чему и где учились.

– в Третьем Московском кадетском корпусе и Тверском кавалерийском училище.

– Когда окончили училище?

– В 1916 году.

– Продолжайте.

– В 1931 году окончил филологический факультет МГУ.

Торкин не упустил случая выдать сентенцию:

– Советская власть предоставила вам возможность получить высшее образование. Вы должны были ценить это, а не выступать против.

– Я ценил и ценю, — не согласился Антон.

– К вопросу о вашей лояльности мы ещё вернёмся. А пока скажите мне: чем занимался ваш отец?

– Он был военным. И погиб в 1905 году под Мукденом.

– В каком чине?

– Капитан.

– А ваша мать? Изломина, урождённая Глумина Ольга Сергеевна, 1875 года рождения, оперная певица. Из мещан. Где проживает сейчас?

– Она умерла.

– Из чего вы делаете такой вывод?

– Об этом мне сказал мой дядя. Её брат.

– Точнее. Кто? Назовите его имя полностью.

– Мне рассказал мой дядя. Дмитрий Сергеевич Глумин. Сейчас носит фамилию Столяров.

– Откуда у него такие сведения?

– А вы не знаете? – Антон позволил себе иронию. – Он служит в НКВД.

– Мы-то знаем. Я спрашиваю у вас. Так откуда?

– Он мне не говорил. А я и не спрашивал.

– Гражданин Изломин, — сказал Торкин, — мне глубоко импонирует ваша манера отвечать кратко и строго по существу. И всё же давайте остановимся на вашей матушке поподробнее. Как известно, она вторично вышла замуж за шведского дипломата. Что было дальше?

– Он увёз мою мать в Стокгольм. После революции я не получал от неё известий.

– А вы отдаёте себе отчёт в том, что одно наличие родственников за границей может расцениваться как отягощающее вашу вину обстоятельство?

Торкин выдвинул вперёд подбородок и округлил глаза. Впрочем, ответа он не ждал. Спросил снова:

– Ладно. Скажите, когда она умерла?

– Шесть лет назад. Узнал я об этом спустя год.

– Отчего? Не знаете?

– Грудная жаба.

Торкин скорбно прикрыл веки. Но тут же оживился:

– Кроме дяди по матери, у вас остались и другие родственники. Не так ли?

– Да. Брат отца и его жена. Но я давно с ними не общаюсь.

– И напрасно, Антон Юрьевич. Родственные узы надо уметь сохранять.

– Чтобы стало больше последствийных?

– А вы остры на язык. Но здесь вашего остроумия никто не оценит, гражданин Изломин. Давайте продолжим. Брат вашего отца Андрей Васильевич Изломин, 1863 года рождения. Бывший директор классической мужской гимназии и до сих пор продолжает работать в школе. Женат, двое сыновей. Оба погибли. Есть ещё ваша бабушка, вдова полковника царской армии.

Торкин проговорил эти слова таким тоном, будто бы прикидывал: стоит ли и её привлечь к заговору?

– Я повторяю, что давно с ними не общаюсь, не встречался и не вступал в переписку. Это легко проверить.

– Всё, что нам нужно, мы уже проверили, — тон следователя повысился, стал жёстче. – А надо будет, проверим ещё. Вы близко общались со Столяровым? Тому есть свидетельские показания.

– Я этого не отрицаю, — сказал Антон.

– Вот и правильно. Зачем же отрицать очевидные факты.

Затем следователь резко сменил тему:

– А вы, я вижу, давно посматриваете на папиросы. И не просите. Отменная выдержка, должен сказать. Хотите курить – курите.

Торкин придвинул пачку папирос «Дюшес» на край стола, поближе к Антону. Туда же определил и пепельницу. Сам за время допроса успел выкурить не одну. Курил он очень аппетитно, со вкусом, пуская дым колечками. Антон последнюю папиросу выкурил ещё до своего ареста. И курить ему хотелось. Но признаваться в своей слабости он не собирался. Вовремя вспомнил, как отчитывал юных курильщиков, и внутренне улыбнулся.

– Спасибо, я не буду.

– Что так? – участливо спросил следователь. – Вообще не курите? Или здоровье не позволяет?

Вопрос выходил провокационный. Как ни ответь, всё одно скажешь неправду.

– Курю, но сейчас не хочу.

– Может, и правильно. В тюрьме особо не покуришь. Лучше отвыкать, — тут же согласился с ним следователь.

– Однако продолжим. С Дмитрием Сергеевичем Столяровым у вас были общие дела?

Антон напрягся. Его подозрение подтвердилось. Торкин копал под дядю Митю.

– Насколько я знаю, — сказал он, — мой дядя служит в Иностранном отделе НКВД. Почему бы вам не адресовать этот вопрос прямо ему?

Изломин готов был к тому, что Торкин, сжимающий в руке тяжёлое пресс-папье, ударит его им по голове. Но и у следователя выдержка оказалась отменная. Ведь по глазам видно, как чесались у него руки. Вместо этого он встал и отошёл к решетчатому окну. Оттуда Торкин молча рассматривал Антона, о чём-то размышляя. Наконец сказал:

– Хорошо, вернёмся к вам. До революции картина ясная: учились. Затем воевали. Напомните: где?

– На Кавказском фронте. С декабря шестнадцатого и до полного развала.

– А потом?

– В ноябре 1917 года вместе с Сибирским казачьим полком, в котором служил, ушёл на Кубань. Затем перебрался по морю в Крым. Там я вступил в Белую армию.

Следователь снова уселся за стол.

– А поведайте-ка мне о том славном времени, когда вы служили у белых. Ведь длилось это довольно долго.

– Больше двух лет. До освобождения Крыма большевиками. В моей анкете об этом написано очень подробно.

– Скольких красноармейцев вы убили?

– Как это? – не понял Антон. – В бою? Не считал.

Торкин смотрел на него с подозрением.

– Расскажите-ка мне о своей подпольной деятельности в те поры. Не чинитесь, Антон Юрьевич. Хочу послушать своими ушами.

Изломину не в первый раз приходилось рассказывать заведомую неправду о том, что он делал тогда и чего не делал. Он привык говорить об этом самым искренним тоном. Глядя прямо в глаза следователя, Антон начал:

– Я стал помогать подпольной большевистской организации в Крыму весной 1920 года. После ранения меня признали ограничено годным и направили служить в контрразведку. В то время ко мне обратился доктор Меркулов. Он работал в госпитале, где я лечился, и одновременно являлся членом подпольного большевистского комитета. Осведомленный о моём нежелании продолжать воевать против красных, доктор попросил меня оказывать ему помощь и снабжать сведениями, которые были нужны подпольщикам. Этим я занимался до самого ноября. Затем...

– Достаточно! Дальше всё как по писаному. Вы дождались прихода Красной армии, и семья воссоединилась. Прямо рождественская история! Знаете? Писались такие для маленьких деток при старом режиме. А хотите? Я скажу вам своё видение тех давних событий.

– Разве вам нужно моё разрешение?

– Вы правы, оно мне не требуется, — Торкин оторвался от бумаг. - Столяров и вы, Изломин, рассудили так: победят красные, дядя на коне, если же белые, то — вы.

– Мой дядя служил в Особом отделе Южфронта, а я был в скромном чине поручика. Вы серьёзно считаете это равноценным обменом в случае перехода фортуны на другую сторону?

– Я ничего не считаю, — отрезал Торкин. – Моё дело — выяснить истину. Ваши связи в Белой армии, может быть, просто ещё не выявлены. Но мы ими займёмся.

Пообещав это, следователь сказал:

– В декабре двадцатого вы начали службу в Красной Армии. А попали туда при содействии вашего дяди. Служили в Туркестане в отдельном конном дивизионе до весны 1922 года. Демобилизовались в должности командира эскадрона. Всё верно?

– Да.

– И после демобилизации вы вернулись в Москву. Сказать вам зачем?

– Жить, — пожал плечами Антон.

– Чёрта с два! Чтобы вести свою подрывную деятельность в самом сердце нашей Родины! В голосе Торкина прозвучали пафосные нотки.

– Вы шутите? – поразился Антон.

– Я совершенно серьёзен. И склоняюсь к мысли, что вы, Изломин, опытный и хорошо законспирированный враг.

Торкин выбросил вперёд руку с вытянутым указательным пальцем, направленным на Антона. Этот обвинительный жест вышел у него несколько комично. Видимо, он и сам почувствовал это и безо всякого перехода спросил:

– А когда в последний раз вы видели Столярова Дмитрия Сергеевича? Отвечать! Быстро! Последние слова следователь прокричал, привстав со стула.

– В тридцать четвёртом. Я приезжал тогда в Москву во время отпуска.

– Нет, позже! В 1937 году! Разве вы забыли?

– Погодите, гражданин следователь, — удивился Антон. – Я знаю, что мой дядя уехал тогда в длительную командировку в Европу. С того времени мы с ним не виделись и не переписывались. Если он и приезжал обратно, я о том ничего не знаю. Поинтересуйтесь у его начальства.

– Я тебе сейчас поинтересуюсь, — брюзгливо бросил Торкин. – Значит, вы не видели своего дядю с 1934 года? Хорошо, будем с этим разбираться. Правда восторжествует в обязательном порядке. И вы, Изломин, даже не надейтесь на снисхождение. Его не будет.

Антон лишь пожал плечами. Он не сомневался в том, что иного мнения у следователя НКВД просто и быть не могло. Допрос продолжался. И Торкин то и дело возвращался, ища нестыковки и несовпадения в показаниях Антона. Он очень искренне огорчился при их отсутствии и пытался заменить собственными инсинуациями. Лишь когда Антон окончательно отступил от вопросов, Торкин сжалился. То ли над ним, то ли над собой.

– Знаете, что? — сказал он, сладострастно попыхивая очередной папиросой. – Давайте сделаем перерыв. Ступайте! Пока вы ничем мне не помогли. Совершенно! Это скажется на наказании. Надо бы вам задуматься о своей участи.

С таким напутствием Антон был выдворен из кабинета. Под конвоем, со вспухшей от четырёхчасового допроса головой он возвратился в свою камеру.

Когда за арестованным закрылась дверь, Торкин докурил папиросу, о чём-то размышляя, раздавил гильзу в пепельнице и взялся за телефон. Через коммутатор он дозвонился в Москву, на Лубянку и сообщил невидимому собеседнику, что знакомство с подследственным состоялось.

– И как впечатление? – поинтересовался тот.

– На первый взгляд Изломин - простака, интеллигентик вшивый. Но может оказаться и с двойным дном. Пока ещё не ясно. Поэтому попробую с ним поработать и о результатах доложу.

На вопрос из Москвы о возможности вербовки следователь ответил неопределённо. В том смысле, что последующие события покажут, стоит ли брать Изломина в разработку.

Глава третья. Метод Торкина

– Ну и как он держится? – спросил Торкин.

Следователь сидел на диване в кабинете начальника областного управления НКВД майора⁵ Решетилова и смотрел на сержанта Крупенникова, стоящего по стойке смирно у самых дверей. Сам хозяин кабинета наблюдал за развёртывающейся перед ним мизансценой из-за стола в удобном кожаном кресле. Он еле сдерживал улыбку, видя безуспешные потуги на мыслительную деятельность своего подчинённого. Василий Кирпичников, тридцати лет, пришедший в органы по рекомендации обкома комсомола и бывший до службы рабочим-металлургом, был незаменим там, где нужна грубая сила. А вот мыслительные процессы протекали у него вяло, что, по мнению Решетилова, положительно сказывалось и ещё скажется на его карьере. Сейчас Василий пытался доложить о выполнении данного ему поручения, а вопросы важного следователя из Москвы сбивали с толку. Побаиваясь начальства, Кирпичников откровенно маялся от непонимания, но виду старался не подавать, только слегка вертел массивной шеей в тесном воротнике гимнастёрки.

– Не понял вопроса, – наконец выдавил из себя сержант, запустив глаза в потолок.

– Я что, изъясняюсь на латыни? – удивлённо спросил Торкин, обращаясь уже к Решетилову.

– Как ведёт себя заключённый во время сеансов? – перевёл Решетилов на понятный подчинённому язык, содрогаясь от внутреннего смеха.

– Обыкновенно, – пожал плечами Кирпичников. – В основном молчит, а иногда ругается. Но вы же сказали, что его бить надо осторожно. Костей, значит, не ломать и внутренности не повредить. Так что он полежит на полу, оклемается и – в камеру.

– На вопросы отвечает? – снова спросил Торкин.

– Вы сказали, что вопросы задавать не обязательно.

На лбу Кирпичникова выступил пот.

– Что же вы его молча бьёте?

– Почему молча? – обиделся сержант. – Требуем, чтобы он сознался в антисоветской деятельности.

– Сознался?

– От такого битья только хилые сознаются. А этот крепкий. Конечно, если его через «мясорубку» пропустить, – мечтательно произнёс Кирпичников. – Тогда да, во всем сознается. Точно.

– Через мясорубку вашу мы его пропускать не будем. Ушибы там, синяки – еще ладно. Короче. Бейте, чтобы без большого ущерба здоровью. Уяснили, сержант? – строго спросил Торкин, подавшись с дивана.

– Мы так и бьём, товарищ капитан. Как вы велели. Допрашиваем, значит, каждый день по два часа.

– А странного ничего в поведении Изломина не замечали?

– Чего странного?

– Ну, не знаю.

Торкин снова откинулся на спинку дивана.

– Я же вас спрашиваю. Если что есть странное, оно сразу в глаза бросается. Необычное что-то. Понимаете?

⁵ В 1935-1942 гг. в ГУГБ НКВД СССР существовала система специальных званий для сотрудников госбезопасности, отличная от армейской. Несмотря на внешнее созвучие, специальные звания были значительно выше своих армейских аналогов.

– Так точно, понимаю. Вроде ничего такого не было. А! Вспомнил!

Кирпичников радостно улыбнулся, точно подумал о чём-то очень хорошем.

– Он на иностранных языках ругается.

– Ты что, Кирпичников, знаешь языки?

Теперь удивление выразил его начальник.

– Никак нет, товарищ майор. Я попросил младшего лейтенанта Корнеева. Этот Изломин всегда одинаковые слова говорит. Я их запомнил и записал. А Корнеев на русский перевел.

– Ну, ну. Продолжай, - заинтересовался Решетилов.

– Чаше он по-немецки ругается: «Шайсэ». Чёрт по-ихнему. И еще говорит: «Бляйб мир вом ляйб». Отвяжись, значит. И обзывается: «Ихо де пута». Но Корнеев сказал, что это не на немецком.

— Это на испанском, - пояснил Торкин. – Означает: сын шлюхи.

— Вот гад! - Кирпичников сжал кулаки. Но, видя, что оба начальника улыбаются, и сам выдавил на лице улыбку.

– Так нам продолжать, товарищ капитан? – спросил он Торкина.

– Продолжайте! Только помните: обходиться без увечий!

– Есть!

– Хорошо, ступай, – разрешил Решетилов.

И заметно повеселевший Кирпичников покинул кабинет, аккуратно и без стука закрыв за собой дверь.

– Каков экземпляр? – спросил Решетилов. – Дуболом редкостный. Спецшколу еле-еле закончил. Зато усерден, исполнитель и точен. Лишнего себе не позволит. Не нарадуюсь.

– Не стучит на тебя?

Торкин по обыкновению пускал дым кольцами.

– Ты знаешь, не стучит. Сам удивляюсь. Предан начальству. Хоть в пример его другим ставь.

– Славный паренёк, - согласился Торкин.

Майор госбезопасности Решетилов принял управление в январе этого тридцать восьмого года, а раньше служил в центральном аппарате и с Торкиным прятельствовал. Формально его сегодняшняя должность выглядела понижением. А на самом деле, (и Торкин был в курсе), Решетилова отправили куда подальше, чтобы сохранить такого ценного кадра от гнева Ежова, начавшего в конце своей деятельности на посту наркома внутренних дел уничтожать всех, до кого мог дотянуться. Без разбора. Теперь, после смены руководства⁶, он рассчитывал на скорое возвращение в Москву из этой Северной Тьмутаракани. И содействие проводившейся операции, инициированной из Москвы, особенно пройди она успешно, могло стать для него ещё одним шагом к переводу на прежнее место службы. Потому Решетилов приказал своим сотрудникам оказывать московскому следователю полное содействие. А сам Торкин стал завсегда-таем кабинета начальника. Кроме общих трапез, возобновившихся после приезда следователя в область, они часто угощались горячительным прямо в кабинете Решетилова. Оба любили смаковать хороший армянский коньяк, закусывая его ломтиками лимона с сахаром.

– Время вроде бы есть, – жаловался Торкин приятелю, с приятностью шурясь от вкуса лимона во рту. – А начальство, как всегда, торопит. Им и положительный результат дай, и закончи всё побыстрее. По-хорошему этого Изломина недельки две надо бы промариновать в одиночке, чтобы к нему ни одной новости не просочилось. Сидел бы он и мучился. Гадал бы: что да как? А после взять в полный оборот суток так на двое – трое. И спать не давать, и есть. Затем посадить в общую камеру, да пустить слушок, что он, де, стукачок. Ему и в камере

⁶ В августе 1938 года первым заместителем был назначен Л.П. Берия и постепенно к нему стало переходить фактическое руководство НКВД.

уголовнички холку-то намнут. Вот тогда он поплывёт и будет готов для вербовки. Дай ему в ад крошечный опущенному, надежду, он и воспрянет. Что не поручи, все выполнит, всех сдаст. Добровольно, с радостью. Ещё и стараться будет, подлец, инициативу проявлять.

– И что тебе мешает?

– Приказ у меня, самого Фриновского⁷: «Не трогать до нового указания. Работать с ним бережно». Он на процессе его дядюшки должен стать ключевой фигурой. Ничего, скоро возьмусь за мужичка всерьёз. Буду дожимать, чтобы дал добровольное согласие на сотрудничество. Столярова этого не сегодня – завтра возьмут и привезут в Москву. Вот когда племянник и понадобится.

– А если не привезут? – лениво спросил Решетилов. – Сам знаешь. Всяко бывает. Пристрелят по необходимости. Прямо там, за границей. Тогда что?

– Именно в таком случае и выйдет вперед наш племянничек. Его будем судить вместо дядьки. А собаке – собачья смерть. Но должен быть процесс, чтобы другим неповадно было.

– Ты справишься, Вася. Я в тебе не сомневаюсь, – майор поднял большой палец. – Ты и не таких зубров скручивал. А Изломин что? Дилетант. Свернешь его в бараний рог.

– Не скажи, – задумчиво протянул Торкин. – Не прост племянник. Ох, не прост. Придётся с ним повозиться. Придётся. И действовать не грубо, не в лоб, а потихоньку – помаленьку.

Ты вот что, Леонид, позвони-ка в район. Пусть они пока не активничают. Никаких ярлыков и аутодафё⁸. Этого не нужно. Пусть говорят, что Изломин проходит по важному делу как свидетель. И арест его – превентивная, а главное – временная мера.

– Я и так им приказал сидеть тихо, без кликушества. Но проконтролирую. Не беспокойся. Будет там тишина. Ты мне лучше скажи: отчего такой кипеш поднялся? Я этого Столярова плохо знаю.

– И я не лучше. Это же Иностранный отдел. Элита, мать их задери. Он при Дзержинском начинал. Служил под началом Артузова⁹.

– Сейчас это не слишком хорошая рекомендация, – усмехнулся Решетилов.

– Так и есть. Столяров был в командировке за границей все эти годы. Давал результаты. Но обнаглел настолько, что стал поучать оттуда, как надо работать. Фриновский на него взъелся и приказал вернуться. Тот – бежать. Ну и завертелось дело.

– Ромбик тебе оно не принесёт?

Решетилов щелкнул пальцем по петлице.

– Хорошо бы, – мечтательно закатил глаза Торкин.

Он был уверен, что в свои сорок семь лет давно пересидел как звание, так и должность.

Василий Аверьянович Торкин прошёл славный путь от рядового уполномоченного до старшего следователя без взлетов и падений. У него было самое что ни на есть правильное происхождение: потомственный рабочий. Это позволило Василию закончить рабфак и юридический институт. Мало кто в управлении знал, что начинал свою трудовую деятельность Торкин адвокатом. Но пробыл им он недолго. На толкового парня обратило внимание партийное руководство. И по разнарядке Торкин был направлен на работу в ОГПУ. От прежнего рода занятий он сохранил лишь иезуитскую вежливость при допросах и пристрастие к театру, проявившееся у него в молодые годы. Сказать, что Торкин был службист, это ничего не сказать. Он работал виртуозно, с огоньком. Не было случая, чтобы Василий Аверьянович не расколол подследственного и не заставил его признаться в совершенном злодеянии.

⁷ Фриновский Михаил Петрович – командарм 1-го ранга. С 1937 года возглавлял Главное управление государственной безопасности НКВД СССР. С упразднением ГУГБ 28 марта 1938 года возглавил Управление государственной безопасности (1-е управление) НКВД СССР. Снят с поста 8 сентября 1938 года.

⁸ Аутодафе – публичное сожжение на костре еретиков по приговору инквизиции в средневековой Европе.

⁹ Артузов Артур Христианович — деятель советских органов государственной безопасности, один из основателей советской разведки и контрразведки.

И не надо все валить на применение особых методов. Они для Торкина были лишь подспорьем. Но основным оружием оставались логика и умение убеждать в том, что его клиенту гораздо лучше признаться, чем упорствовать в заблуждении о своей якобы невиновности. Когда пришла пора больших процессов, он стал просто незаменимым. Кто еще мог так ловко и гладко приготовить подследственному речь, в которой тот неоспоримо обличал самого себя и других? Правда, он вёл дела далеко не самых высоких по положению врагов народа. Но без показаний их адъютантов, секретарей и помощников тоже ведь не обойтись. Причем все «чистки» в их ведомстве обходили Торкина по какой-то неясной причине стороной. Смущало лишь то, что и в званиях он рос медленно, порой даже излишне. При всей бескорыстной любви к работе Торкин все же старался сделать себе карьеру.

Личная жизнь Василия Аверьяновича была гораздо более бурной, чем служебная. Театрал и завсегдатай ресторанов, он постоянно лънул к женскому полу, время от времени меняя объекты своей страсти. Как сотрудник столь грозного ведомства, тем более речистый и недурной собой, он редко встречал сопротивление и нарывался на отказ. Зато как советский человек, Торкин каждой своей пассиве предлагал руку и сердце. Его совсем не смущало, что женщина могла быть уже замужем. Не мытьем, так катаньем Торкин добивался своего. Когда же любовь угасала, и на горизонте возникал новый предмет вожделения, Василий Аверьянович уходил от прежней супруги и разводился с ней. Для полноты картины следует отметить, что жилье, а обычно это была комната в коммунальной квартире, Торкин оставлял брошенным женам вместе с нажитыми детьми. А себе получал новую жилплощадь и новую жену, с каковой и жил некоторое весьма непродолжительное время душа в душу.

В общем, старший следователь был женат четыре раза и сейчас временно находился в разведенном состоянии. Стоит также сказать, что на пороге уже маячил его пятый брак. Актриса одного из московских театров, красавица и умница, должна была в скором времени развестись, дабы Торкин смог законно заключить её в свои трепетные и жаркие объятия. Решетилов знал про все эти дела и частенько подначивал приятеля, предлагая к его услугам прикормленный контингент, состоящий из актрис и представительниц других творческих профессий. Торкин пока не поддавался, но вовсе не по причине моральной устойчивости. В областном центре у него была давняя знакомая, которую он и пользовал со дня приезда.

Сегодня Решетилов снова заговорил о посещении театра, убеждая Торкина, что тот получит истинное удовольствие от представления.

– Ты думаешь, если мы далеко от столицы, так у нас и талантов не сыскать? Провинция, да? Ошибаешься! Такие есть резвуньи. Играют любо-дорого. По первому классу.

– Скажешь, МХАТ у тебя тут, – отмахивался московский гость.

– Может, и не МХАТ, а посмотреть стоит. Это я тебе говорю! Соглашайся. Я за тобой заеду в гостиницу. Часиков в шесть. Идет?

Торкин потёр лицо ладонью. Подумал.

– Учти, я не один.

– Да хоть с эскадроном! – хохотнул Решетилов.

– Ну. Давай, еще по стопочке?

– Плесни. Хороший у тебя коньяк, мягкий, – заранее жмурясь, согласился Торкин.

– На том стоим! – весело заметил Решетилов. – Можешь ли ты представить себе ситуацию, когда у начальника областного управления НКВД не будет на столе лучшего коньяка?

Глава четвёртая. Ультиматум

Камера, в которой сидел Антон, была относительно небольшой по размерам. И находилось в ней восемь человек. Хотя рассчитывалась она явно на гораздо меньшее количество. Слева от двери, если стоять к ней спиной, было отхожее место, справа – умывальник. Посредине – узкое пространство между двухъярусными нарами. Ни стола, ни лавок. Пищу приходилось принимать, сидя на нарах. Но обитатели камеры, а все они, кроме Антона, были старожилами, (сидели кто с зимы, а кто с весны), уверяли, что находятся в относительном комфорте. Есть камеры гораздо хуже.

На Изломина сначала посматривали настороженно. Человек новый. Кто? Что? Неясно. Вполне мог оказаться и «наседкой». Так называли стукачей. Но он вел себя так, словно не замечал подозрительных взглядов и к разговорам сокамерников не прислушивался. Будучи наблюдательным, Антон сразу отметил двух заключенных, державшихся особняком. Но на матерых уголовников они не тянули. И, как потом оказалось, оба попали сюда за взятки.

Остальные принадлежали к «политикам», как и сам Антон. Среди них его заинтересовал немолодой человек болезненного вида с землистым отечным лицом. Он вспомнил, что тот был лектором областного дома политпросвещения. Так как лектор не обращал на него внимания, Антон тоже не стал напоминать ему о знакомстве. Ну а когда его самого стали вызывать из камеры на допросы и использовали, добиваясь признания, исключительно в качестве боксерской груши, Антону стало не до наблюдений.

В начале он подумал, что его просто собираются искалечить, если не убить. Но потом сообразил, что цель избиений другая: лишить его воли к сопротивлению. После нескольких дней таких экзекуций Антон превратился в настоящую отбивную. И у него, казалось, не осталось ни одной здоровой косточки. Теперь сокамерники смотрели на него с участием, а самому Антону хватало сил лишь добраться до нар и примоститься таким образом, чтобы боль из острой переходила в стадию ноющей.

В последний раз его избивали так в приснопамятном 1924 году. Но дело было это не в тюрьме, а в славном городе Париже. И в роли экзекуторов выступали белоэмигранты, с которыми Антон «разошелся во мнениях»¹⁰.

Чтобы не запутаться в днях, он, не имея ничего, чем можно было бы хотя бы царапать по стене, стал считать их по пальцам, каждый день загибая новый и запоминая. По подсчетам выходило, что шла вторая неделя пребывания в тюрьме. Точнее, Антон отсидел десять дней. В этот десятый день его избили особенно сильно. Антон потерял сознание и очнулся уже в камере, на своих нарах. Когда он открыл глаза, рядом с ним сидел лектор. Он держал на лбу Антона мокрую тряпку.

– Спасибо, Иван Иванович, – тихо сказал Изломин, морщась от боли.

– Не за что, – лектор грустно улыбнулся, показав обломки зубов. – Потерпите, скоро полегчает. И есть хорошая новость. Коли били вас особенно усердно, значит, на время оставят в покое.

– Надолго?

– Как знать! Смотря, чего они от вас хотят. То, что вы все последние дни испытывали, называется «мельницей». Через нее проходит большинство «политических». Есть еще и «мясорубка». Но после неё редко кто выживает и не остается калек. На моей памяти ее применяют не так часто, лишь в крайних случаях, если другие меры не приносят успеха.

– Умеете вы утешить.

¹⁰ Здесь упоминаются события книги «Офицерский романс. Из огня да в полымя»

– А я вас тоже узнал, – переменял тему лектор. – Вы директор школы в Сулянках. Ведь так? Вот имя и отчество ваши запомнил.

– Антон. И можно без отчества. Давно вы здесь?

– Больше полугода. На меня дал показания мой начальник. Его арестовали еще зимой. Он большевик с дореволюционным стажем, лично был знаком с Каменевым, если вы понимаете. Ему инкриминировали создание антипартийной группы и так далее. Он, как и я, человек пожилой, слабого здоровья, оговорил кого смог. Нас набралось более двадцати. Все, естественно, признались. Должен скоро начаться суд. Но у начальника был застарелый туберкулез, еще с царской каторги. В условиях тюрьмы обострился. И, пожалуйста, летальный исход. Дело-то наше развалилось. Остальные, как и я, мелкие сошки.

Не тянем на крупный процесс. Моих поделщиков перевели куда-то, а я так тут и застрял. Иван Иванович сходил помочить под краном тряпку и вернулся к Антону.

– Не ожидал я вас здесь увидеть, – сказал он, возвращая тряпку на лоб Изломину.

– От тюрьмы и от сумы...

– Верно, верно.

Антону и впрямь стало полегче. Иван Иванович ещё посидел с ним немного и вернулся на своё место. Антон долго ворочался, пытаясь дать отдых измученному телу. Уснул уже поздно, под самое утро. И поэтому не сразу сообразил, что от него хотят, когда конвой пришёл за ним еще до рассвета. Даже мелькнула мысль о расстреле. Но его повели знакомыми коридорами. И через несколько минут Антон сидел напротив Торкина.

– Соскучились? – поинтересовался тот, добродушно улыбаясь.

– Не спится вам? – вместо ответа спросил Антон.

– А вы как думали? Охрана государства рабочих и крестьян от происков врагов осуществляется круглосуточно.

Выдав очередную банальность, следователь посмотрел в свои бумаги.

– Ну что же. «Вернемся к нашим баранам», так сказать. У вас было время подумать. Вы, надеюсь, думали? Да? Или нет? Будете продолжать запирайтесь или разоружитесь перед партией? Шучу, шучу. Но, как говорится, в каждой шутке...

Торкин выглядел на удивление бодрым, учитывая ранний час. А ведь прошлым вечером он засиделся за полночь. И не за документами, а за бутылочкой крымского марочного вина. Да еще в женском обществе.

– Вы прямо лучитесь энергией, как электричеством подзарядились.

– Так. Вижу, что чувство юмора у вас не отбили. Значит, плохо старались. Надо будет сделать им выговор. Шутка! Не смотрите на меня столь презрительно. Просто у меня на редкость хорошее настроение. И я верю, что все у нас с вами получится. Не качайте головой, Изломин. Я правду говорю. Ну-с, к делу. Мы остановились в прошлый раз на двадцатых годах. После увольнения из армии вы поселились в Москве и стали работать в школе. Какой?

– Тогда она назвалась Трудовой школой имени писателя Толстого. А сейчас у нее номер, но я его не знаю.

– Номер у нее двадцатый. Вы вели там немецкий язык. Не припомните, с какого по какой год?

Антон уже притерпелся к манере следователя проверять все и вся и даже не злился, как раньше. До побоев.

– С двадцать второго по двадцать четвертый.

– А в университет вы поступили в 1926 году. Что подельвали еще два года?

– Работал в этнографическом музее.

– Неувязочка выходит, гражданин Изломин. Ваша трудовая книжка действительно находилась там, а вот вас самого не было. С двадцать четвертого по двадцать шестой год. И есть

предположение, что занимались вы совсем другими вещами, не имеющими к этнографии никакого отношения.

– Не понимаю вас.

– Да прекрасно вы все понимаете. Дурака не валяйте. Вам знакомо такое название, как МОЦР или «Монархическое объединение Центральной России»? Запомнили? А ведь вы были членом этой самой организации. И именно по ее поручению выезжали из страны во Францию в 1924 году. Отрицать, надеюсь, не будете?

Антон молчал. Он ездил тогда в Париж и пробыл там полтора месяца. Вот только границу пересекал нелегально. И никаких следов этой своеобразной командировки остаться не должно. По крайней мере, тех, до которых мог добраться Торкин.

– Отвечайте! – настаивал тот, буравя Антона взглядом. – Молчите? Сказать нечего? Вы встречались там с лидерами Белого движения! Что, Изломин, не отпереться?

В двадцатые годы Антон действительно привлекался к операции «Трест». В МОЦР его направило ОГПУ. Сама операция была секретной, а после ее раскрытия прекращена. Несколько последующих лет стояла тишина. И много позже был арестован Якушев, один из руководителей МОЦР и активный участник операции чекистов. Антон же не играл такой большой роли. А поди же, добрались и до него.

– Слушайте, гражданин следователь, я давал подписку о неразглашении, которая еще действует. И мое участие в чем бы то ни было вам могут объяснить там, в Москве. Если сочтут нужным.

– Уже сочли. Иначе откуда бы я знал эту информацию, – возразил Торкин. – Я не требую от вас подробного рассказа о вашей вредительской деятельности в подпольной монархической организации. Меня интересует другое. Когда ездили в Париж, ваш дядя давал вам отдельное поручение? Вспоминайте! И учтите: от степени вашей правдивости зависит очень многое. А для вас – сама жизнь.

– Он не давал мне личных поручений, кроме одного, – Антон сделал паузу.

– Говорите, я весь во внимании.

– Привезти пару бутылок Божоле.

Торкин очень быстро для своей комплекции вскочил и, перегнувшись через стол, нанес Антону удар кулаком. Он пришелся по скуле. И Изломин едва не свалился с табурета. В кабине установилась тишина. Торкин брезгливо вытирал носовым платком руку. Антон приходил в себя. Наконец следователь заговорил:

– Было бы вам известно, что сержусь я редко, но вам удалось вывести меня из себя. Послушайте, что я вам скажу. И можете быть уверенным, я не часто открываю карты и говорю начистоту с подследственными. Допускаю, что жизнь вас не интересует и вам на нее плевать. Допускаю также, что вы готовы встать к расстрельной стенке. Изредка подобные типы мне приходилось встречать. Но объясните мне. Зачем? Кого вы спасаете? Столярова? Не верю, что вы настолько наивны. Все уже решено. Там, наверху.

Торкин ткнул пальцем в потолок.

– Что вы ерепенитесь? Не пойму. Вашего дядю доставят в СССР совсем скоро. И будут судить. Ваши показания для процесса важны. Это правда. Но не абсолютны. Не захотите – не надо. Пойдете по этапу своим порядком. Вдруг окажется, что вы создали у себя в школе подпольную организацию, чтобы нравственно калечить подрастающее поколение. Вы завербовали в нее учителей вашей школы. Кто-то из них обязательно даст нужные показания. Не сомневайтесь. И поедете вы валить лес. Только не здесь, а подальше. В Сибирь.

Антон мрачным взглядом посмотрел на Торкина.

Тот закурил, прошелся по кабинету, затем присел на край стола и склонился к подследственному, стремясь придать своим словам дополнительную убедительность.

– Слушайте меня внимательно! Я приехал получить от вас согласие: дать показания на вашего дядю. Причем не бредовые, выбитые вместе с зубами, а четкие, доказательные, не вызывающие вопросов. И если я их не получу, меня ждет взыскание. Может быть, понижение по службе. Обещаю вам, что в таком случае я законопачу подальше не только вас самого, Изломин, но и всех, кто касался вас хоть каким-то боком. Можете мне верить!

И Антон поверил. Такое случилось сплошь и рядом. Удивляться было нечему. Говорить такому, как Торкин, о несправедливости – что кидать горох об стену. Следователя это просто позабавит. Изломин сидел, уставившись в пол, и Торкин с удовольствием наблюдал за ним.

«Дожму сейчас тебя, сволочь, – злорадно думал следователь. – В ногах валяться станешь. На коленях умолять, гад!».

Он ждал ответа, продолжая сидеть на столе.

Антон поднял голову, легко поднялся и левой рукой обхватил Торкина за шею, нагибая к себе. Правой он, потянувшись всем телом, схватил ручку с пером со стола и приставил ее к горлу следователя. Тот попытался вырваться, но Изломин держал его крепко. Торкин непроизвольно хрюкнул.

– Тихо, – прошипел Антон в его ухо. – Сейчас воткну в тебя собственную ручку. И – привет! Ничего тебе не будет грозить: ни понижение, ни повышение. Жизнь за жизнь!

Он надавил пером и проткнул кожу. По горлу следователя потекла тоненькая струйка крови.

– Тебе ясно? То-то.

Антону показалась в тот момент очень заманчивой идея убить Торкина и покончить со всем одним махом. Человек более импульсивный совершил бы месть не раздумывая, не мучась сомнениями. Антон таким не был. Ему потребовалось сделать над собой усилие, а счет шел на секунды. Занятый внутренней борьбой, он не услышал, что к нему подошли сзади. И чья-то лапища перехватила его руку, зажав, словно в тисках. Это был Кирпичников, умеющий, оказывается, подкрадываться совсем тихо. Не иначе как стоял за не плотно прикрытой дверью и прислушивался. Обезоружив Антона, он скучающе ткнул ему кулаком в подбородок и отправил на пол. Почти без сознания.

– Чего долго-то так? – попенял сержанту Торкин с покрытым красными пятнами лицом, двумя трясущимися руками расстегивая верхнюю пуговицу рубашки...

После обеда слегка отошедший от побоев Антон был снова водружен на табурет в кабинете следователя. В целях безопасности руки его теперь сковывали наручники. Торкин, белея перевязанной медицинским бинтом шеей, сидел, отгородившись от подследственного столом. Все острые предметы тоже были убраны.

Торкин редко был собой недоволен. Всегда у него находился тот, кто ему мешал все сделать как надо, на «отлично». Сейчас свалить вину возможно разве лишь на Кирпичникова. По всему выходило, что он пережал. Слишком надавил на Изломина. И едва не заплатил своей собственной жизнью.

«Вот тебе и интеллигент. Орудует, что твой диверсант, – подумал он, сердясь на себя, что не раскусил Изломина до конца. – Хорошо, что подстраховался, поставив за дверью сержанта».

Будь директор школы полностью в его власти, он бы показал ему, что бывает с теми, кто покушается на жизнь и здоровье сотрудника органов. Увы, такой власти у него сейчас не было. Приходилось продолжать работу, оставив месть на потом.

Разговор следователь начал не сразу: нагнетал напряжение, буравя Антона хмурым взглядом.

Решив, что помолчал достаточно, сказал размеренно, выделяя каждое слово:

– Гражданин Изломин! Если вы дадите показания на вашего дядю Столярова Дмитрия Сергеевича и выступите на процессе, я могу обещать вам небольшой срок, лет до пяти. С

последующей амнистией. Карьера директора вам больше не светит, но это малое зло. Станете учительствовать, как прежде. Устроит вас это? Не спешите отвечать. Подумайте.

Торкин испытывающе смотрел на Изломина и думал: «Попытается хитрить? Наверняка. Ладно, поиграем, гражданин Изломин, поиграем. Как там говорится? Увяз коготок – всей птичке пропасть? И ты у меня увязнешь, сердешный друг. Никуда не денешься. Это ясно как день. Будешь ходить по веревочке!».

– Отвечать сейчас?

Он услышал тихий, но несломленный голос Антона.

– Нет. Почему же? Даю вам время подумать до завтра. И это последний срок, когда можно изменить вашу будущность. Закурите? Нет? Ну, как хотите.

Торкин снова сделался вежливым и добродушным.

Глава пятая. Ксения

Ксения Всеволодовна Рудина родилась и выросла в Москве. Ее отец - полковник царской армии, в конце войны был тяжело ранен в ногу и комиссован. После Октябрьской революции он признал Советскую власть и пошёл ей служить. Работал в разных учреждениях, пока не перешел в Наркомат по военным и морским делам. Несмотря на то, что отец Ксении занимал немаловажную должность, достаток семьи был небольшим. На его иждивении находились не только больная жена и дочь, но и престарелые теща и тесть. Поэтому Ксения, окончив школу, пошла работать, освоив профессию машинистки. В 1931 году отец был арестован и осуждён по делу «Весна»¹¹. Он получил десять лет. Жить их семье стало тяжелее. Ксения крутилась, как могла. Мать тоже вышла на работу. Вскоре умер дед, за ним бабушка, и Ксения осталась вдвоем с матерью.

Тогда от родственников ещё не требовали публичного отречения. Считалось, что дети за родителей не отвечают. Однако в её анкете близкое родство с врагом народа все же было отмечено. Тем не менее, в следующем году она стала учиться в Московском библиотечном институте, продолжая подрабатывать печатаньем. В тридцать четвёртом умер в лагере отец. Мать пережила его всего на два месяца. Теперь Ксения осталась совсем одна.

Срок обучения в институте длился в то время три года. Страна нуждалась в работниках, сведущих в библиотечном деле. В тридцать пятом уже действовало обязательное распределение, но Ксении оно не коснулось. Устроиться на работу самостоятельно, несмотря на требующуюся в Москве специальность, ей не удалось. После месяца бесплодных мытарств отчаявшаяся Ксения неожиданно вызвали в управление НКВД. В сером безликом кабинете серьезный человек в строгом костюме объяснил ей, почему она оказалась безработной в стране с полной занятостью населения, и дал направление в дальнюю северную область. Так Ксения оказалась в райцентре, заняв должность заведующей библиотекой. Жила она на квартире, которую оплачивал райсовет, в чьём ведении находилась библиотека.

Такая молодая и интересная девушка, как Ксения, да еще из столицы, неминуемо привлекала мужское внимание. Ей потребовалась вся воля и решимость, чтобы отвести назойливых кавалеров. Она ввела для себя правило, которое строго соблюдала: никаких обещаний и поощрений. Два первых года так и было. Антон Изломин стал первым исключением из ее правила. Ксения не могла не обратить на него внимание. Приятный и интеллигентный мужчина, выглядевший моложаво, появлялся в библиотеке пусть и нечасто, зато регулярно. Он принадлежал к группе активных читателей и забегал туда всякий раз, когда попадал в районный центр. Антон подчеркнуто хорошо одевался. Ксения это отметила. Выражался литературным языком. И почти всегда торопился. Еще она встречала его на различных заседаниях и собраниях. Вокруг Изломина постоянно находились женщины, молодые и постарше, особенно после назначения его директором школы. Почему-то Ксении такое внимание к нему не нравилось. Она даже злилась на него из-за этого. Их сближение проходило постепенно. В начале были короткие замечания о книгах, а вкусы у них во многом совпадали. Затем при встречах в библиотеке или вне её стен пошли обстоятельные разговоры о том и о сём. И, наконец, возникло дружеское подтрунивание друг над другом. Но Антон в прямую за девушкой не ухаживал, держал дистанцию. Можно сказать, что они приятельствовали. И на роман их отношения никак не походили. Долгое время Ксении это нравилось, потом понемногу стало раздражать. Изломин же, всегда внимательный и галантный, переходить к наступательным действиям не спе-

¹¹ Дело «Весна» – репрессии, организованные в 1930–1931 годах органами ОГПУ в отношении военспецов — военнослужащих командного состава Красной армии, служивших ранее в Русской Императорской армии, а также гражданских лиц, в том числе бывших белых офицеров.

шил. Первой их пробуждающуюся взаимную симпатию заметила Антонина Ивановна - второй библиотекарь. Женщина как-то шепнула Ксении, что она и Изломин очень подходят друг другу. Это невинное замечание сыграло роль зажженной спички, поднесенной к сухому хворосту. Ксения призналась себе, что её тянет к Антону, и тот ей не безразличен. Будучи старше по возрасту, он порой казался её ровесником. Изломин обладал многими качествами, привлекающими девушку, и Ксения влюблялась в него всё сильнее. Но, по её мнению, объясниться надлежало Антону. Он мужчина, не она. Так её воспитали. И Ксения скрывала свои чувства. Она и не предполагала, что также поступал и Антон. Так они приятельствовали до прошлой зимы.

В феврале Ксения участвовала в «культурном десанте» по дальним селам и деревням их района. Подобные мероприятия проводились время от времени по всей стране с целью повышения культурного уровня населения. Считалось, что они были исключительно добровольной инициативой коммунистов и комсомольцев, но за их проведением бдительно следило районное и областное начальство. В «десантировании», кроме сборной агитбригады из местного Дома культуры, обычно задействовали директоров школ и библиотекарей. В тот раз районо направило Изломина. Сборы шли серьезно, будто бы собирались в настоящий санный поход. Понятное дело, что зима усложняла передвижение дорогам. Увы, выбор диктовался наличием гораздо большего свободного времени у сельчан по сравнению со страдной порой.

Вся их разношерстная компания отправилась из райцентра в путь на нескольких санях. Сопровождала их кинопередвижка, так как культурная программа обязательно завершалась просмотром фильма. Ксения же устраивала выставку книг и рассказывала о новых изданиях. И при необходимости помогала наладить работу сельских библиотек, часто созданных на добровольных началах. Ее выступления пользовались успехом, пожалуй, у одной молодежи. Девушки и некоторые юноши обступали ее, смотрели книги, советовались. Миссия Антона заключалась в агитации колхозников к получению ими образования в заочной форме, которая тогда практиковалась повсеместно для взрослых. Сказать, что он своими выступлениями сподвигнул к обучению многих, было бы преувеличением. И все же в каждом селе находились один-два человека, которые соглашались записаться в школу. Он отвечал на самые разнообразные вопросы, касающиеся обучения, потому что «десант» стремился охватить прежде всего, те отделения колхозов, где не было своих школ. А дети ходили учиться в соседнее село. И все же большей частью Антон просто присутствовал при концерте и просмотре фильма. Ведь именно они и придавали импульс их культурной агитации. На правах старого приятеля он опекал Ксению. Совместная поездка невольно поспособствовала тому, что их чувства вышли из-под контроля.

В одной из деревень, где они появились под вечер, бригада лесорубов отмечала очередную рекорд. Два десятка молодых, разгоряченных спиртным парней, пришедших в клуб, немного накалили обычную миролюбивую атмосферу. Лесорубы громко отпускали замечания по поводу выступающих на сцене девчат и позволяли себе выкрики в их адрес. Когда им делали замечания пожилые колхозники, парни замолкали, но ненадолго. В конце концов, самый голосистый и нагловатый запустил на весь зал матерное словцо, пройдясь по фигуре одной из девушек. Не отреагировать на такое поведение было нельзя. Антон и Сеня Дементьев, участник агитбригады, вместе с завклубом вывели дебошира из зрительного зала. Тот подчинился, но пригрозил, что разберётся с каждым. Вместе с ним ушли еще двое недовольных.

- Спасибо за помощь, - сказала им заведующая клубом, женщина средних лет. - Это у нас Матвей Калыгин. Парень вроде бы неплохой и работник замечательный, а как выпьет - никакой управы на него нет. Уж песочили его, песочили, на скольких собраниях, а все без толку. Однажды вообще драку учинил. Так одного парня отделал, что тот два дня дома отлеживался. Участковый приезжал, грозился посадить. Пожалели. Мать у него больная. Ничего. Может, и переберется.

По тону женщины было непонятно, согласна она с этим утверждением или нет. Сколько подобных историй слышал Антон и в душе полагал, что главная причина хулиганства – безнаказанность. Вот с чем надо бороться, а не выискивать врагов.

Затем началось кино, и оставшиеся лесорубы уgomонились. Показывали относительно новый «Цирк». Зрители смотрели фильм при полной тишине, затаив дыхание. Они смеялись веселым приключениям героев и близко к сердцу принимали страдания американской циркачки Мэрион в исполнении Любви Орловой. Антон, дежуривший рядом со сценой, где висел сейчас экран, видел переживания на лицах зрителей: старых, молодых и совсем юных. Когда показ завершился, в зале включили свет. Зрители начали расходиться. «Десантники культуры» вышли на улицу последними. Им нужно было собрать свое имущество, что требовало времени. Антон помог Ксении уложить книги в коробку и отнести в сани. Потом остановился покурить возле клуба, дожидаясь конца погрузки. Вот тут к нему и подбежал мальчишка в расстегнутом пальто.

- Дядя, вас зовут.

Он ткнул рукой куда-то за здание клуба и убежал.

Изломин повернул за угол и совсем не удивился, обнаружив ушедшую с концерта толпу. Сначала лесорубы стояли поодаль, наблюдая за тем, как собираются «десантники». Кто-то из девчат предположил, что парни хотят извиниться. Антон в такое миролюбие не поверил. Скорее всего, это Матвею Калыгину, выпровоженному из клуба, захотелось поднять упавший в глазах собутыльников авторитет. Затем парни скрылись, и Изломин подумал, что ошибся. Оказалось, что нет. Лесорубы переминались с ноги на ногу и при виде Антона разом замолчали. В клубе еще горел свет и падал из окон на снег, освещая небольшое пространство. Калыгин с вызывающим видом вышел вперед. Почему он решил выяснить отношения именно с Антоном, объяснялось просто: его Матвей запомнил. Он же выводил лесоруба из клуба. Антон сделал вперед два шага и остановился.

- Что вам, ребята?

Но Калыгину не хватило куража полезть в драку сразу. Требовался «законный» в его глазах повод.

- Дай закурить, – грубо и развязно потребовал он.

- Бери, – согласно кивнул Антон и протянул ему пачку.

Калыгин не ожидал подобного ответа и решил, что Антон струсил.

- И на нашу долю возьми, – потребовал один из собутыльников.

Калыгин победно улыбнулся и подошел к Изломину, протягивая руку за папиросой. Стоящий перед ним мужчина серьезным противником лесорубу не показался. Матвей вообще был убежден, что только он может решать, когда начинать драку и как ее закончить. Сейчас он объяснит этому городскому щеголю: кто тут вправе командовать.

Антон достал пачку папирос и, когда Калыгин протянул к ней руку, ловкой подсечкой уложил его на примятый снег. Прежде чем его приятели опомнились, до сих пор их вожака никто с ног не сбивал, тот уже лежал лицом вниз. А приезжий агитатор поставил колено ему на спину и вывернул правую руку. Калыгин едва не закричал от боли и стыда. Такого позора с ним еще не было.

- Эй, отпусти его! Кому сказал? – крикнул его приятель, приземистый крепыш.

Он сделал несколько шагов, отделяющих его от Антона. Изломин спокойно поднялся, шагнул навстречу и тут же присел, пропуская его кулак мимо себя. Выпрямляясь, ударил правой снизу вверх, точно в подбородок. Крепыш клацнул зубами. Получив полновесный удар в скулу слева и в нос справа, начал медленно заваливаться на спину, но удержался, отступив назад. Он взялся за нос, опухающий прямо на глазах. Его слегка вело. Вступать же в новую схватку совсем расхотелось.

- Тоже хочешь закурить? – спросил Антон третьего, стоявшего на прежнем месте.

Тот отрицательно замотал головой. Изломин подождал, пока Калыгин встанет на ноги и повернется. Затем наставительно произнес:

– Будь другом, не попадайся мне больше. Хорошо? Иначе так легко не отделаешься. Забирай своих друзей и катись.

Притихшие лесорубы, ворча, ушли в темноту. Антон задумчиво проводил их взглядом и повернулся, чтобы идти назад. У стены стояла Ксения и смотрела на него.

– Я все видела, – произнесла она громким шепотом. Совсем как школьница, собирающая шантажировать одноклассника. Он улыбнулся.

– Они первые начали, – в тон ей стал оправдываться Антон.

Оба тихо рассмеялись.

– Почему ты никого не позвал на помощь? – спросила она.

– Откуда я мог знать, что дойдет до драки?

Она понимающе ему подмигнула и взяла под руку.

После возвращения из десанта лед между ними был полностью растоплен, и чувства взяли верх. Встречались они тайно. Либо в библиотеке, или на квартире Ксении. Ради этих встреч Антон приходил к ней из своего поселка в райцентр вечером, а уходил под утро. Не меньше двух раз в неделю. От Сулянки до райцентра по дороге шестнадцать километров. Но был и другой путь – через лес. Гораздо короче. Зимой Антон ходил по нему на лыжах. Хуже приходилось весной: вода заливала овраг, и он шел пешком по склону. Летом же можно было ездить на велосипеде. И Антон приезжал к Ксении гораздо чаще. Затем наступила осень. В том, что они до сих пор не были женаты, вина лежала на Ксении. Когда Изломин сделал ей предложение, девушка предупредила, что находится на заметке у соответствующих органов. Чем вызвала веселье Антона.

– Это мне впору предупреждать тебя о том, какая у меня страшная анкета, – заметил он.

– Не обманывай! – запротестовала Ксения. – Разве ты не воевал в Гражданскую? И не был красным командиром? Я помню, как тебя чествовали вместе с другими на собрании, посвященном юбилею Красной Армии.

– Все так, – ответил Антон, улыбаясь чему-то своему давнему, происходившему без ее участия. – У каждого в этой стране найдется свой маленький-маленький грешок, за который можно ухватить. А жить-то надо.

Он настаивал, и Ксения уступила. Они решили пожениться будущей весной. Теперь этим планам пришел конец.

Весть об аресте Антона дошла быстро. А вот за что и почему, никто не знал. Ходили одни слухи. И то глухие, неясные. С тридцать седьмого года Ксения боялась, что за ней придут. Потихоньку приучала себя к этой мысли. Просыпалась среди ночи, прислушиваясь к разным звукам на улице, а потом долго лежала без сна. Молилась. Она не считала себя верующей, не ходила в церковь. Молитвам научила бабушка. Ксения всегда произносила их про себя, когда на душе становилось тревожно. Так ей было легче. Постепенно тревога стала уходить. Она совсем было успокоилась. Но нет. Оказалось, эту беду не отвести. Пусть арестовали Антона. Не её. А вот жизнь сломали им обоим. Тоска! Черная, глубокая тоска заполнила собой существование Ксении в последующие дни.

Глава шестая. Матвеев

Человек в форме НКВД с ромбом в петлицах гимнастёрки и кожаной папкой в руке вошёл в приемную заместителя наркома. Молодой человек за секретарским столом поднял голову.

– Меня вызывали к двадцати двум часам.

Вошедший бросил взгляд на настенные часы в деревянном полированном футляре. Стрелки показывали десять без одной минуты.

– Проходите, пожалуйста, товарищ комиссар вас ждёт, – сказал секретарь.

Он встал, открыл тяжелую, обитую кожей дверь в кабинет и придержал ее, пропуская посетителя.

– Товарищ комиссар государственной безопасности первого ранга, – доложил вошедший.

– Майор госбезопасности Матвеев по вашему приказанию прибыл.

Хозяин кабинета, сидевший за столом и что-то писавший, поднял голову, блеснув стеклами круглых очков, и молча кивнул, показывая жестом левой руки, что тот может сесть. Яркий свет от абажура на столе очерчивал круг, в котором находился пишущий, оставляя все остальное пространство кабинета в тени. Посетитель четко, но совершенно бесшумно, ибо звуки шагов тонули в толстом ворсе ковра, дошел до стола, сел на стул и замер в ожидании. С минуту человек за столом продолжал писать. Затем он отложил ручку и откинулся на спинку стула, массируя рукой шею.

– Напомни мне. Что за вопрос у тебя был? – проговорил замнаркома с мягким грузинским акцентом.

– По старшему майору Столярову, товарищ комиссар. Вы дали задание подготовить справку.

Майор госбезопасности открыл папку и передал два листка комиссару. Тот положил их на стол.

– Вспомнил. В его деле следует разобраться. Докладывай. Но кратко, по существу. Подробности я позже прочту.

Он приготовился слушать, поглядывая на Матвеева сквозь стекла очков.

Матвеев деликатно откашлялся.

– Столяров Дмитрий Сергеевич, – начал он, – с 1932 по 1936 год руководил резидентурой стран Центральной Европы, находясь в Румынии. Затем перебрался в Швейцарию и последние два года занимался выявлением политических связей нацистов на американском континенте. В июне его отозвали по приказу Ежова. Он не подчинился и при попытке его захватить бежал.

– Тоже попросил политического убежища? – с презрительной иронией спросил замнаркома.

– Нет, товарищ комиссар. После того, как Столяров скрылся, он больше на связь ни с кем не выходил. Фриновский приказал его найти и привезти в СССР. В крайнем же случае сотрудники внешней разведки должны были его ликвидировать.

– Понятно, – усмехнулся замнаркома. – Замести мусор под ковер. Ну и как?

– Не удалось. Найти они его нашли и тут же потеряли. Были предприняты определенные усилия, но обнаружить тогда его убежище не удалось.

– Вот ведь хитрый лис! Переиграл, значит, молодцев Фриновского вчистую.

Заместитель наркома, как показалось Матвееву, искренне порадовался за Столярова.

– Тогда не нашли, значит. Сейчас мы знаем, где он?

– Так точно! Установили.

– И где Столяров сейчас?

- В Латинской Америке. В Уругвае. Нашли ниточку. Он задействовал своих агентов, но нам они также известны.

- Далековато! Так может, он и оттуда сбежал?

- Никак нет, товарищ комиссар. Столяров находится в стране. Его видели в Монтевидео. Мы предполагаем, что он состоит в тесном контакте с кем-то из высокопоставленных чиновников. И его очень умело прикрывают.

- Надеюсь, не из-за того, что Столяров поделился нашими секретами. Ведь он должен знать их немало. Хотя...

Заместитель наркома потянул это слово.

- Зачем Уругваю наши секреты?

Он улыбнулся одними губами. Майор тоже улыбнулся, показывая, что оценил шутку. Однако благоразумно отвечать на вопрос не стал, ожидая более конкретной реакции комиссара.

- Что будешь делать?

- Готовить новую операцию. Если вы санкционируете.

Комиссар бросил на Матвеева взгляд из-под очков.

- Скажи-ка, в чем ценность Столярова как разведчика? Что он знает?

- У него обширные связи в странах Центральной Европы. Особенно среди дипломатов, военных и промышленников. Информацию Столяров поставлял качественную, но Фриновский ему не верил.

Замнаркома взмахнул рукой, точно отгонял муху.

- Фриновский и его мнение уже в прошлом. Нам же сведения Столярова очень быгодились на будущее. Этой информацией мы просто обязаны завладеть. А для этого нужно что?

- Привезти его живым в Москву.

- Правильно, майор! Это и будет твоей главной задачей. Начинай готовить операцию. И тщательно! Чтобы без помарок все прошло. Чисто, а не как в прошлый раз. Хорошо бы еще иметь какой-нибудь козырь в рукаве. Наживку. Ты копался в его прошлом? Хоть что-то нашел?

- Кое-что есть, товарищ комиссар, - с готовностью откликнулся Матвеев. - Я изучил дело Столярова с точки зрения подходов. И вот, пожалуйста.

Он протянул второй листок с совсем коротким машинописным текстом комиссару.

Тот прочитал его и задумчиво пробарабанил пальцами по столешнице.

- Племянник - его единственный близкий контакт? - спросил он, пристально изучая пуговицу на форме своего подчиненного.

- Так точно! Я полагаю, что мы можем использовать его.

- Интересно, - задумчиво протянул замнаркома. - Тебе стоит попробовать. А где он сейчас, этот Изломин?

- Сидит, товарищ комиссар!

- Где сидит? - не понял замнаркома. - В лагере?

- Нет, на Севере. Во внутренней тюрьме областного управления НКВД. Но работает с ним наш следователь. Из Центрального аппарата. Еще Фриновский так распорядился: «Приготовить Изломина как свидетеля к процессу над Столяровым».

- Михаила давно перевели, - ворчливо заметил замнаркома. - Да, понятно. Пока бумаги написали, пока начали...

Он понимающе кивнул. И тут же оживился:

- А нам с тобой это на руку. Поезжай туда и сам во всем разберись. Надеюсь, тамошние костоломы во главе с нашим орлом-следователем не довели его до полной анемии.

- Я тоже надеюсь, что не довели, товарищ комиссар. Следователю Торкину было дано строжайшее указание действовать с Изломиным аккуратно.

– Полагаться на здравый смысл следователя тебе не стоит. Рвение у нас порой просто зашкаливает. Ты мне вот что скажи. Этот Изломин. Он нам подойдет?

– В двадцатые годы он участвовал в операции «Трест». В целом успешно. Задачи, которые ставились перед ним, выполнил. Выезжал нелегально во Францию. Правда, тогдашний резидент в Париже отмечал его несдержанность и излишнюю приверженность принципам. В личной же характеристике Изломин аттестуется положительно. Отмечаются его наблюдательность, аналитические способности, быстрая реакция на происходящее.

– Хорошо! – замнаркома хлопнул ладонью по столу. – Бери дело Изломина в свои руки. Даю добро. И проводи глубокую разработку. Мы с тобой не имеем права потерпеть фиаско. Ясно?

– Так точно!

– Как думаешь назвать операцию?

– «Племянник».

– А что? Подойдет. Привлекай всех, кого нужно. Время у тебя есть. Но знай: этот самый Столяров в результате должен сидеть здесь, передо мной, живой и невредимый.

– Но, товарищ комиссар, ведь могут возникнуть обстоятельства, которые мы не сможем учесть.

– А ты постарайся учесть! – человек за столом улыбнулся. – Я, Матвеев, помню тебя по Закавказью. Ты ведь работал при мне. Так? Помнится, отвечал за связь с турецкими товарищами.

– Так точно, товарищ комиссар!

– И работал хорошо, результативно. Не подведи и сейчас.

– Приложу все усилия, – заверил Матвеев.

Он прекрасно понимал, другого ответа от него не ждут.

– Тут меня недавно убеждали, – вновь заговорил замнаркома, – что в юридической практике есть такой термин – обстоятельства непреодолимой силы. Землетрясение там, лавина в горах. Из-за чего, дескать, нельзя задание выполнить. Так вот! У тебя их быть не должно. Столяров мне нужен. В той обстановке, что сложилась в Европе, да и в мире, его наработки очень пригодятся. Опять же, разбрасываться кадрами нам не позволительно. Он должен быть здесь или нигде больше. Не забывай и о резонансе. Если ты его привезешь из этакой дали, другие сто раз подумают: стоит ли им бежать.

– Товарищ комиссар, – Матвеев на секунду запнулся. – Я работал раньше со Столяровым. Знаю, что он не только опытный, но и решительный человек. В патовой ситуации может выбрать чрезвычайное решение.

– Как издавна ты начал, – усмехнулся нарком. – Говори проще! Застрелится, да? Не хотелось бы доводить до этого. Все сделай, а не допусти. На крайний случай я разрешаю провести с ним игру. Предложить компромисс. Понимаешь? Хорошо. Ну, ступай, майор. Работай.

Матвеев, вернувшись в свой кабинет, разложил на столе бумаги. Хотя время и было позднее, он привык работать по ночам. Это была общая практика тогда и не только в Управлении НКВД. Намереваясь выехать в область, где шла разработка племянника Столярова в ближайшие дни, майор принялся за подготовку к вербовке Антона Изломина. Подготовка к операции «Племянник» началась.

Глава седьмая. Лебедев

В Сулянке арест директора школы вызвал даже не удивление. Нет. Удивляться советские граждане к тому времени перестали. Лучше сказать – переполох. Изломин многим нравился, его считали хорошим учителем, да и директором неплохим. «Если и этот враг народа, куда тогда катимся?». Так с недоумением думали те, кто знал Антона достаточно хорошо. К их числу принадлежал и парторг Лебедев. Он несколько лет приятельствовал с Изломиным. И сейчас недоумевал, почему взяли Антона. Его арест Лебедев сразу воспринял как ошибку органов и

мог лишь надеяться на благополучный исход, хотя сам в него не очень и верил. Однако то, что случилось уже после ареста, ввело его в недоумение и заставило задуматься. На четвертый день ему позвонили из района и напомнили, что ему надо присутствовать на собрании коллектива школы. Он пообещал.

Иван Сергеевич Лебедев был немногословным, крепко сбитым, лысоватым блондином среднего роста. Предпочитал носить полувоенную одежду и курить папиросы «Казбек». А его единственным видимым пристрастием являлись книги. Из своей биографии Иван любил упоминать лишь то, что был беспризорником. И Советская власть сделала из него человека. Он также не скрывал, что воспитывался в колонии для малолетних преступников, которой руководил Антон Семенович Макаренко. К этому человеку Лебедев относился с большим уважением, читал и перечитывал его книги. Он любил разыгрывать из себя простецкого парня, своего в доску для работяг – железнодорожников. И те относились к нему также, приходили со своими нуждами и просьбами, зная, что парторг обязательно разберется.

Когда он пришел в школу, учителя уже собрались в актовом зале. Они вели себя тихо, переговариваясь шепотом, а не как обычно. Лебедев побывал на одном из педсоветов и хорошо представлял привычное им поведение: активное и даже задиристое. Его вместе с представителем районо, инструктором райкома и молчаливым человеком в форме НКВД усадили в президиум. Лебедев не был лично знаком с последним, но знал, что тот служит в районном отделе. Судя по петлицам с тремя кубиками, он имел звание младшего лейтенанта. Лебедев оглядел зал. Среди собравшихся здесь наверняка были и те, кто с удовольствием потоптался бы на костях директора. Они обязательно заявили бы, что давно подозревали его во многих грехах. И как правильно и мудро наша власть разделяет добрые семена от затесавшихся по недосмотру плевел. Сидевший рядом инструктор как раз из их числа. Он уже раскрыл папку, где сверху лежал листок с заготовленной обличительной речью. Лебедев про себя усмехнулся и настроился стойко и молчаливо вытерпеть шельмование Изломина. Вступить за него — это значило лишь подставить себя под удар, заранее представляя тщетность подобной попытке: И Антону он не поможет, и себе навредит.

Назначенная исполнять обязанности директора завуч Евдокия Кирилловна Дементьева открыла собрание и предоставила слово сотруднику органов госбезопасности. Тот поднялся, одернул гимнастерку и, уперев кулаки в столешницу, заговорил:

– Товарищи, вы все знаете, что произошло. Областным управлением НКВД арестован директор школы Изломин. Ничего хорошего в произошедшем нет. И я понимаю ваше беспокойство по этому поводу. Так вот, скажу то, что вам необходимо знать. Во-первых, никаких мероприятий, в том числе собраний и совещаний, из-за ареста Изломина не проводить.

В этот момент Лебедеву показалось, что безмолвное удивление, написанное на лицах учителей, было бы меньшим, даже если бы представитель НКВД вдруг закукарекал во весь голос.

– Во-вторых, – продолжил при полном внимании младший лейтенант, – ведется следствие. И гражданин Изломин проходит по нему не как обвиняемый, а как свидетель. Вопросы есть?

– Почему же он арестован? – осторожно поинтересовался инспектор районо.

– Арест осуществлен в интересах следствия, – строгим тоном заявил представитель госбезопасности. И добавил:

– Также следует прекратить все разговоры и пересуды об аресте Изломина. Тех же, кто их продолжит, мы привлечем к ответственности. Есть ещё вопросы?

Ответом стала абсолютная тишина. Могло показаться, что все перестали дышать. Наверное, никто из сидящих в зале, да и на сцене, помимо самого выступавшего, не ожидал ничего подобного. Инструктор райкома также не был предупрежден заранее. Это становилось понятным по его лицу, сохранявшему выражение обиды, и потому, как торопливо он прятал свою

бумагу обратно в папку. Лебедев же покусывал губы, пряча улыбку. Все произошедшее ему определенно нравилось.

После выступления сотрудника НКВД собрание завершилось, и учителя потянулись к выходу, недоуменно и молча поглядывая друг на друга. Парторг собрался выходить из школы и уже натянул кепку, когда его взяли за рукав сзади. Обернувшись, он увидел Евдокию Кирилловну.

– Нам надо поговорить, Иван, – сказала Дементьева.

Она завела его в пустой класс и плотно закрыла дверь.

– Не хочу, чтобы нас подслушали, – пояснила завуч.

Иван согласно кивнул. Он привык к тому, что люди осторожничают.

– Как тебе все услышанное? – спросила Евдокия Кирилловна.

– Необычно.

– То-то. На моей памяти такого еще не было.

– На моей тоже.

– Ладно, не наше это дело. Я просто хотела тебя попросить.

– О чем?

Евдокия Кирилловна отошла к окну и поманила его к себе.

– Ты в курсе, что у Антона была возлюбленная? – спросила она.

– Сейчас таких называют невестой или любовницей, – возразил ей Лебедев.

– Не увличай от ответа! И знаешь, кто это?

– Да, знаю.

– Я хочу, чтобы ты присмотрел за ней. Ясно? Опекал бы ее, что ли. Ну, ты меня понял.

– Понять-то я понял, Евдокия Кирилловна. А вот как вы о ней узнали? Мне интересно. Антон все держал в секрете. Я и то недавно догадался.

– Я живу на свете уже немало лет, – улыбнулась женщина, и ее морщины на лбу разгладились. Она стала выглядеть моложе. – И легко определяю влюбленного мужчину от обычного.

– Как же на счет меня? – спросил Лебедев, улыбаясь. – Я какой?

– Дурной! – отрезала завуч. – Так сделаешь?

– Обижаете, – ответил он. – Непременно!

Возвращаясь в депо на попутной машине, Лебедев признался самому себе, что арест Антона Изломина и то, что случилось после, не укладывались в привычное течение событий. Что-то с этим арестом было не так. Иван Лебедев прожил пусть и недолгую, но весьма насыщенную жизнь. Ему было всего девять лет, когда произошла революция. Потеряв в ее вихре родителей, как и многие другие, Иван оказался на улице в буквальном смысле этого слова. Он рано узнал темную сторону людской природы и научился верить лишь себе. Воровство, а порой и грабеж стали его привычными занятиями. Ванька Лебедь слыл удачливым пацаном, с ним водились беспризорники и постарше. В четырнадцать лет он едва не убил в драке человека, тяжело ранив его в живот. Тот был взрослым, настоящим уголовником, и Иван спасал свою жизнь. Неизвестно, как сложилось бы все дальше, но вскоре Лебедеву поймала милиция. Дальше была колония, давшая ему путевку в жизнь. Был такой фильм¹². Иван смотрел его, но считал сильно приукрашенным. Макаренко со своей коллективистской методикой помог Лебедеву обрести цель в жизни и развить в себе качества, без которых трудно было вписаться в активное строительство социализма.

Потом была учеба. Сначала в железнодорожном техникуме он выучился на машиниста. Поработал на дороге помощником, отслужил в армии. Иван проходил службу в погранвойсках, где его приняли в партию. Позже Лебедев окончил совпартшколу I ступени с трехлетним

¹² Путевка в жизнь – советский художественный фильм 1931 года. Рассказывает о перевоспитании беспризорных подростков.

курсом обучения. Он был упорным, любознательным студентом и столь же добросовестным, инициативным работником. Даже наступившее время всеобщей подозрительности не изменило характера и поведения Лебедева. Евдокия Кирилловна правильно оценила его. Для Ивана дружба и взаимопомощь никогда не были пустым звуком. Он давно уже догадывался, какие чувства возникли между Антоном и симпатичной библиотекарейшей. Но помалкивал. Не хотел показывать Изломину свою осведомленность. Считал, когда будет надо, тот скажет сам. Лить слезы по Антону Иван не собирался. Не в его характере. Другое дело - помочь Ксении. Эта девушка нравилась ему самому. И давно. Однако пользоваться случаем и открыть ей свои чувства ему и в голову не могло прийти. Не тот он был человек.

Приехав в очередной раз в райцентр по своим делам и завершив их к концу рабочего дня, Иван не стал торопиться назад. Вместо этого он зашел в столовую, чтобы восполнить пропущенный обед. И, поев, направился в библиотеку. Ксения Руднева была на месте и просматривала карточки. Он неспешно перебирал книги, дожидаясь времени закрытия. Постепенно все читатели ушли. Иван с Ксенией остались одни. Он помог ей закрыть дверь на большой висячий замок и вызвался проводить. Девушка восприняла его помощь равнодушно и вела себя с ним безучастно, как бы говоря: хочешь, так проводи, но ни на что не надейся. Так понял ее взгляд Лебедев. Начать разговор оказалось непросто. На все его замечания Ксения реагировала вяло, отвечала односложно. И явно тяготилась навязанному ей обществу. Тогда Иван перешел к главному - зачем пришел.

– Вы, Ксения, наверное, не в курсе того, что директора нашей Сулянской школы Изломина арестовали у меня в кабинете?

Ксения даже остановилась. В первые секунды она растерялась и не знала, что ответить. Наконец взяла себя в руки.

– Нет, конечно. А зачем вы мне это говорите?

Они шли как раз мимо тускло горящего уличного фонаря, и лицо девушки было освещено.

Его выражение показалось Лебедеву испуганным. И еще презрительным.

– Ну, насколько я знаю, – протянул Лебедев, стараясь говорить спокойно, – Антон был вашим близким другом. Вот и решил рассказать вам сам, пока до вас не дошли слухи. Объяснить, почему так случилось.

– Не утруждайте себя, Иван Сергеевич. Вам должно быть все равно, что я думаю. Мы же с вами не приятели.

– Ксения, перестаньте, пожалуйста, так себя вести. Я не сделал вам ничего плохого.

– А как я себя веду?

– Неприязненно. Тяготитесь разговором. Я пришел к вам с лучшими намерениями.

– Которыми вымощена дорога в ад.

Лебедев хмыкнул:

– Ох, Ксения, Ксения! Вы прямо кактус, а не девушка.

– Послушайте, Иван Сергеевич! Что мы с вами все из пустого в порожнее? Говорите, что хотели. И давайте разойдемся.

– Как пожелаете. Я хочу, чтобы вы знали: в аресте Изломина моей вины нет. Человек я подневольный и в таких делах ничего не решаю. Не в моем кабинете, так в его или в квартире, но Антона все равно бы арестовали. Но я не только об этом хотел вам сказать.

Пока рано считать, что его обязательно осудят и посадят.

– Как? – Ксения посмотрела на него широко распахнутыми глазами.

– Не могу вам сказать точно, но не хороните его раньше времени. Держитесь. Не знаю, сколько надо будет ждать. Однако вы ждите. Хорошо?

– Хорошо, – машинально произнесла она, оставаясь в мыслях где-то далеко.

Они прошли несколько шагов молча.

– Времена сейчас непростые. Я бы выразился, тревожные, – снова заговорил он. – Вы остались одна, без защиты. В этих условиях вам будет тяжело здесь. Потому и предлагаю свою помощь. Если денег мало, еще какие трудности, смело обращайтесь ко мне. Звоните. Я помогу. Не сомневайтесь.

– Могу я вас спросить?

Тон девушки был далек от просительного.

– Конечно. Спрашивайте, Ксения!

– Почему вы хотите мне помочь? Я не скрывала, что нахожусь здесь под надзором. Мой отец умер в лагере как враг народа. Разве помощь мне не может повредить вашей партийной карьере?

– А если я поступаю так по велению совести? – спросил Лебедев, прищурившись. – Вы не верите, что у меня могут быть принципы?

– Скажите правду. Иначе я вашей помощи не приму, – твердо проговорила Ксения.

– А вы девушка с характером! Хорошо. Я скажу правду. Меня попросила завуч школы. Ее зовут Евдокия Кирилловна Дементьева. Знаете ее? Вот-вот. Она считает, что моя помощь вам будет не лишней. А на счет карьеры...

Лебедев сделал паузу:

– Обещаю! Как только я пойму, что помощь вам станет на пути моей карьеры, я тотчас прерву с вами всяческие отношения. Теперь вы ее примете?

– Вы нагло врете мне прямо в глаза, как несмышленной девчонке.

– Ну, серьезно, Ксения! Вы можете мне не доверять. Тут я спорить не буду. Человек я вам малознакомый. И все же не отказывайтесь. Вдруг возникнут ситуации, когда вам потребуется обратиться ко мне. Сделайте так и не бойтесь.

– Я подумаю, – сказала она.

Может быть, он это себе придумал, но Ксения стала более живой. Ушло безразличие. Значит, ему удалось ее встряхнуть. Уже хорошо!

Лебедев довел Рудневу до самого дома. Пожал руку, задержав в своей чуть дольше, чем принято.

– До свидания, – попрощалась Ксения.

Она повернулась и пошла к калитке.

– До свидания! И звоните. Я буду ждать.

Он смотрел ей вслед, искренне любуясь легкой изящной походкой молодой женщины.

Глава восьмая. Вербовка

С того времени, как Антона арестовали, прошло три недели. Последняя выдалась особенно тяжелой. Торкин по какой-то причине не подвергал его ни «мельнице», ни «мясорубке». Хотя после нападения на него Антона, такие меры, казалось, были бы естественными. Зато все остальное в арсенале следователя присутствовало в полной мере.

Про себя Антон даже дал Торкину прозвище – Коварный Лис. Он и правда был похож своими повадками на лису. Обычно следователь вызывал его на допрос с утра. И тот длился с перерывами до самого вечера. А в отдельных случаях он действовал по-иному. Днем Антон просто сидел в кабинете с конвоиром. А ночью заранее выпавшийся Торкин начинал с особым усердием выпытывать у Антона какие-нибудь мелкие детали давних событий, не давая спать. Как говорится, не мытьем, так катаньем. Одним «Трестом» он допек Антона до печенок. Часы тратились на то, чтобы уточнить, был ли дядя Митя лично знаком с генералом Кутеповым или же нет. А зачем? Генерал пропал без вести во Франции и, скорее всего, давно мертв. При желании можно приписать Столярову и знакомство с английским королем. Или же Антон должен был вспомнить: не близко ли общался дядя с Якушевым, ключевой фигурой операции «Трест». Тот, и Торкину это прекрасно известно, осужден как враг народа еще в тридцать четвертом году на десять лет лагерей. Тупая и бессмысленная работа. Следователь мог написать все, что ему хотелось. Все равно Изломин не соглашался ничего подписывать. Видимо, там, в Москве, Торкина придерживают, не дают развернуться. Антон мог лишь надеяться, что у того закончится терпение и следователь отстанет от него. Сам Торкин, очевидно, понимал ситуацию по-другому и не собирался слезать с Антона, пока не добьется своего.

В камере Антона арестанты успели смениться. Один Иван Иванович продолжал свое сидение обреченно и безропотно. Как старожил, лектор пользовался маленькими послаблениями. Среди прочего конвоиры делились с ним новостями. После ужина Иван Иванович присел рядом с Антоном на нары и негромко сказал:

– Поговаривают, что сегодня приехала еще одна важная шишка из Москвы. Покрупнее вашего следователя будет. Не по вашу ли душу?

Антон пожал плечами.

– Не знаю. Все может быть.

– Чин этот не один приехал, а еще с двумя товарищами. Мне поведал словоохотливый охранник, что такое бывает при этапировании в Москву. Понимаете? Нужных для крупных дел подследственных увозят туда.

– И вы, Иван Иванович, считаете, что этот подследственный – я?

Антон усмехнулся.

Теперь лектор пожал плечами.

– Я бы такую возможность не отрицал. Смотрите, вас, единственного во всей тюрьме, допрашивает московский следователь. Логично будет предположить, что и люди оттуда явились за вами.

– А что по этому поводу говорят ваши источники? – Антон позволил себе пошутить.

– Убеждены, что за вами. Вы, Антон, попали в тюрьму относительно недавно, а уже обросли легендами. Прямо граф Монте-Кристо.

– Тогда вы аббат Фариа.

– Увы, увы! Учить мне вас нечему, да и завещать тоже, – принял подачу лектор. – Легенда же ходит такая. Будто бы вы своего следователя чуть не убили.

– Чуть не считается.

– Так и убили бы! Могли, но не захотели. И вам за это ничего не было.

«Кроме лошадиного удара в челюсть», – заметил про себя Антон. А в слух сказал:

– Ерунда какая-то. Врут все ваши охранники. Заняться больше им нечем. Ну, сами подумайте. Кто из следователей стал бы такое терпеть? Меня бы «мясорубка» давно ждала.

– Так-то оно так, – согласился лектор. – Потому и легенда.

Он легонько похлопал Антона по плечу и ушел к себе.

Изломин прилег на нары.

«А и правда! Почему Торкин со мной так возится? Ответ может быть один. Москва не дает. Я им для чего-то нужен. И калечить меня нельзя. Пока, во всяком случае. Тогда еще поживем! Что-то не вышло у них с дядей Митей. Наверное, затем меня и обхаживают. Значит, еще повоюем», – после таких не особо продуктивных раздумий Антон постарался выбросить Торкина из головы и закрыл глаза.

С дядей Митей Антона связывали не просто родственные узы, они дружили. В ноябре двадцатого года, когда белые покидали Крым, Изломин был тяжело ранен. Ему пришлось остаться. И как сотрудника контрразведки Антона вполне могли расстрелять. И дядя Митя, служивший в Красной Армии, помог ему сохранить жизнь и свободу. Через несколько лет пришел черед Антону помогать дяде, работавшему в ОГПУ.

На следующий день, сразу по окончании завтрака, охранник, открыв дверь камеры, зычно крикнул:

– Изломин! На выход!

Подойдя к комнате для допросов, Антон услышал голоса через неплотно закрытую дверь. Двое человек разговаривали громко, на повышенных тонах. Конвоир поставил Изломина лицом к стене и приоткрыл дверь.

– Я проделал большую часть работы. Практически довел дело до результата...

Донесся до Антона обиженный голос Торкина. Но его возражение прервал конвоир, доложивший о доставке арестанта.

– Введите, – глубоким баритоном произнес второй голос.

Оказавшись внутри, Антон увидел, что за столом теперь сидит человек в темно-синем костюме, лет сорока пяти на вид, с короткой стрижкой и самыми обыкновенными чертами лица. Человек этот обладал внимательным взглядом, его движения были скупы и выверены. Широкие плечи обтягивали пиджак.

«Такого ручкой не убить, – подумал Антон. – Крепкий мужик».

Торкин с портфелем в руке стоял у стола. Он выглядел недовольным. И это свое недовольство даже не пытался скрыть. Чувствовалось, что только чинопочитание не позволяет ему высказаться более определенно и жестко.

Человек за столом сказал тем же баритоном:

– Я вас не задерживаю, товарищ капитан.

Торкин круто повернулся и, полыхнув на Изломина злым взглядом, вышел из кабинета.

Человек, так неловко разобравшийся со следователем, смотрел на Антона даже с некоторым доброжелательством. С минуту они рассматривали друг друга, пока человек в костюме снова не заговорил:

– Моя фамилия Матвеев. И у меня есть к вам, Антон Юрьевич, одно предложение, которое, надеюсь, вас заинтересует. Хотите послушать?

Говорил он мягко, спокойным тоном.

«Хозяин ситуации. Иначе не скажешь», – подумалось Антону.

Он спросил:

– Если бы и не хотел. Что это меняет?

– Ровным счетом ничего. Разумеется, – сухо улыбнулся Матвеев. – Но предпочел бы видеть вашу заинтересованность. Разве вам не любопытна судьба вашего дяди? Вы были с ним близки. Не так ли? Дело в том, что старший майор государственной безопасности Столяров последние годы находился за границей как разведчик-нелегал. И неожиданно исчез, когда ему

отдали приказ возвратиться в СССР. А ведь если он был бы невиновным, то какой резон ему скрываться?

– Вы меня спрашиваете? – грустно улыбнулся Изломин. – Думаю, он понял, что его ждет.

– Ошибаетесь, Антон Юрьевич. Ошибаетесь на наш счет. Разобрались бы, выяснили бы правду. Или вы сомневаетесь в справедливости советского суда?

– Я сомневаюсь в другом. Например, в сборе доказательств его предательства.

– Держите-ка лучше свои сомнения при себе, – посоветовал Матвеев. – Вы не можете знать всех обстоятельств дела. Да вам это и не нужно. Но поверьте. Я, ваш дядя и многие другие разведчики рисковали своими жизнями не для конкретного наркома, а для своей страны. И вот ради нее следует переступить через свой эгоизм, даже через инстинкт самосохранения и отдать себя на суд. Вот это я полагаю исполнением своего долга.

– А дядя Митя, по-вашему, про него эгоистично забыл? Мне интересно: когда его пропустили бы через «мясорубку», он преисполнился бы счастьем от чувства исполненного долга или нет?

– Вижу, что вы поднаторели в дискуссиях.

Матвеев посуровел и несколько торжественно произнес:

– Так вот. Я предлагаю вам от лица своего руководства поспособствовать возвращению Столярова на Родину.

– А вы его нашли?

– Скажем так. Имеем представление о том, где он находится.

– И зачем же мне вам помогать? Для того, чтобы вы его судили и расстреляли?

– Если бы задача стояла в ликвидации Столярова, то сделать это можно и там, за границей. Кстати, без вашей помощи. Зачем такие потуги? Не задумывались? Вижу, что нет.

– И для чего же?

– Да для того, чтобы убедить вашего дядю добровольно вернуться! Я скажу вам больше. Он очень нужен здесь. Нужен с его опытом, связями, с той информацией, которая у него имеется. Обстоятельства же потихоньку меняются. Вот смещен со своего поста Ежов. А это по его личному указанию Столярова хотели вернуть в Москву и судить. Вы должны донести пожелания руководства нашего ведомства до старшего майора Столярова. Да, старшего майора. Пока этого специального звания с него никто не снимал. Для чего вам придется выехать из страны и отправиться в далекое путешествие. Не одному. Естественно, вас будут сопровождать мои люди. При получении согласия мы этапируем вас в Москву, где начнем подготовку к операции. Ваша задача - убедить Столярова вернуться. Я внятно излагаю?

– Куда уж яснее. Я все понял. Вы ведь мне выбора не оставляете.

– Зачем же так мрачно? Лучше я расскажу вам о перспективах в дальнейшем. После выполнения задания все обвинения с вас будут сняты. И последует освобождение от уголовной ответственности и восстановление в должности. А захотите вернуться в Москву - пожалуйста. Работой мы вас обеспечим. И хочу еще раз напомнить. У вас будет возможность убедить вашего дядю вернуться. Добровольно. И это его решение благодатно скажется на дальнейшей судьбе Дмитрия Сергеевича.

Матвеев без особой нужды посмотрел в бумаги, лежащие в папке на столе. Закрыв ее.

– Видите? Я с вами честен. Говорю вам все как есть. Вы нам нужны.

– А как же мой следователь? Он не станет возражать?

– За это не беспокойтесь. Решение о вашем участии в операции решено на достаточно высоком уровне. Вопросов не будет. Выбирайте, Антон Юрьевич. Выбор за вами.

Антон мог быть собой доволен. Он угадал правильно. Его персона потребовалась им в виде наживки.

«Не слишком завидная роль: помочь поставить капкан на собственного дядю. Что будет, если он сейчас откажется? Да ничего. Станут и дальше мариновать в тюрьме. И страшать вся-

кими карами. Возможности у них для этого имеются. Если же согласится, появится шанс побарахтаться. Поглубже залезть в их паутину и при удобном случае ее разорвать, - Антон молчал, а сам решал. - Стоит ли давать согласие сразу? Или лучше потянуть время? Показать этим, что колеблюсь».

Подумав, он не увидел особого смысла что-то там выгадывать:

«Мне могут пообещать и луну с неба. Выполнять обещание придется потом, после возвращения. Однако никто не может знать, что произойдет за это время. И буду ли я сам жив. Бог весть».

Антон поднял глаза на терпеливо ждущего Матвеева.

– Я согласен со всеми условиями.

– Отлично. Значит, собираемся в путь.

Глава девятая. В Москву

В начале ноября в области успел выпасть снег. И тут же ударили первые морозы. Столбик термометра упал до минус десяти градусов. Утром и того ниже. Днем выглядывало солнце и становилось немного теплее. Прохожие бодрым шагом шли по тротуарам, спрятав лица в шарфы и воротники. Казалось бы, не такой уж и большой мороз, но ведь еще и осень не кончилась. Антону нравился климат более определенный. Когда осень – это осень, а не зима.

Легковой автомобиль, в котором он ехал на заднем сидении между двумя молодыми людьми, поглядывая в окно, промчался по центральным улицам и свернул к железнодорожному вокзалу. На повороте машину занесло.

– Не гони, – строго произнес Матвеев, обращаясь к шоферу.

Он сидел на переднем сиденье и курил, пуская дым через приспущенное стекло дверцы.

– Успеем!

На больших вокзальных часах было без пяти четыре, когда Матвеев со своими людьми и Антоном направился к первой платформе. Туда, где у заснеженного перрона стоял длинный состав. В вагоны садились пассажиры. У некоторых они толпились.

– Красавица! Скажи. Этот поезд на Москву?

Проводница в накинутаой поверх синей формы черной шинели и форменном берете, приплясывая от холода, посмотрела на подходивших к ее вагону четырех мужчин.

– Да, это Московский, – подтвердила она и весело добавила. – Что, граждане? Надписи не читаем?

– А вагон? – поинтересовался один из подошедших.

– Наш вагон 4-й, купейный. Вам сюда?

Вместе со словами от ее дыхания вышел пар.

– Сюда, сюда, – ответил молодой парень, одетый, несмотря на мороз, в короткое осеннее пальто с поднятым воротником и в надвинутой на лоб кепке. В руках он держал маленький фибровый чемоданчик.

– Представляешь, красавица? Сначала объявляют, что поезд задерживается на час, а через полчаса опять объявление: прибывает на первый путь. Стоянка – двадцать минут. А мыто в буфет зашли. Ну, там, внизу, в полуподвале. Знаешь? Только собрались перекусить, – он звонко щелкнул себя по шее и подмигнул. – Что прикажешь делать? Схватились и бежать!

– Это все из-за снегопада, – серьезно ответила проводница. – Вторые сутки метет. Дорогу чистить не успевают. Поднимайтесь в вагон, пожалуйста. Скоро отправление.

– А у вас свободное купе есть, чтобы нам всем вместе? – поинтересовался парень, задержавшись на перроне, пока трое остальных не поднялись в вагон.

В отличие от него, они предпочитали молчать.

– Есть. Как не быть? Это в плацкартных всегда все места заняты, – отозвалась девушка.

Ей явно приглянулся веселый и общительный пассажир.

– Здорово! А то мы большие любители преферанса. До столицы не одну пульку забьем! – хохотнул он и легко вскочил на подножку.

Девушка улыбнулась ему вслед и, тотчас посерьезнев, приготовила красный флажок, ожидая сигнала. Вторая проводница была постарше, солидной комплекции и держалась строго в рамках инструкций. Увидев направляющихся к ней мужчин, она спросила:

– Ваши билеты, товарищи?

– Нам должны были оставить купе. Мы бронировали.

Матвеев, в кожаном реглане и черной шляпе из фетра с намокшими от снега и потому опущенными полями, протянул женщине билеты – продолговатые кусочки картона.

Та, проверив и прокомпостировав их, вернула Матвееву.

– У нас три купе свободны, – сказала она. – Одно в середине и два ближе к концу вагона. Какое займете?

– В середине.

– Тогда пойдемте, товарищи.

Она открыла им дверь купе и ушла, так и не заметив, что двое пассажиров были пристегнуты друг к другу наручниками.

– Ну что же, давайте размещаться, – распорядился Матвеев. – Я и Федор внизу, а Сергею и Антону Юрьевичу придется ночевать наверху. Никто не возражает?

Никто не возражал. Повинуясь жесту Матвеева, Федор, сухошавый широкоплечий брюнет лет тридцати с хвостиком, ловко расстегнул наручники, освободив себя и Изломина. Все сняли верхнюю одежду, разместили ее на плечиках и расселись на нижних полках. В этот момент вагон дернулся.

– Скоро тронемся, – возвестил Сергей, тот самый весельчак. – А проводница ничего, симпатичная. Глазищами так и стреляет.

– Тебя уже подстрелила, – усмехнулся Матвеев. – Я вот в толк никак не возьму, Чеколдин. Если ты такой любвеобильный, то почему не женишься?

– Так, не успеваю я, товарищ майор! Надо же присмотреться к невесте, что да как. Как бы не ошибиться. Опять же, характер надо узнать, чтобы после не мучиться. Эта вот глазастенькая, ничего так. Мне бы с ней недельку-другую до самого Владивостока проехаться! Эх, люблю я кататься в мягком.

Он хлопнул рукой по кожаному сиденью.

– Да ты бы на Урале расписался, а в Хабаровске развелся, – вставил до того молчавший Федор.

– Поклеп! – объявил Сергей и прицелился в товарища указательным пальцем.

– Так, – прервал их шутиливую перепалку Матвеев. – Пойдите-ка, проветилируйте обстановку.

И оба его подчиненных тут же улетучились из купе.

– Хотите совет? – спросил Матвеев Изломина, когда дверь купе закрылась.

– Какой?

Антон сидел, откинувшись на спинку дивана, скрестив руки на груди. На нем был другой его костюм – черного цвета, который в сочетании с белой рубашкой без галстука и с расстегнутой верхней пуговицей придавал ему элегантный и даже несколько богемный вид. Антону приятно было чувствовать свежесть чистой рубашки, надетой только сегодня перед дорогой. До того, утром, ему разрешили помыться в душе. И казалось, что он вместе с грязью сбросил прочь усталость и отчаяние.

– Всегда пользуйтесь ситуацией. Мягкий вагон, уютное купе. Чего еще желать? Расслабьтесь. Вы весь как канат натянутый. Я с ребятами на работе, нам необходимо быть настороже, а у вас совсем другой коленкор. Отдыхайте, высыпайтесь в свое удовольствие.

«Как же ты распелся, майор! Прямо курский соловей. Не бойся. Бежать я от вас не собираюсь. Да и насчет каната ты перегнул. Делать вид, что ты в полной готовности, и по-настоящему напрягаться – совершенно разные вещи. И очень хорошо, что ты во мне не разобрался. Я теперь не меньше тебя хочу отправиться в путешествие. Повидаться с дядей Митей. И положить тебе всю игру». Произнеся этот внутренний монолог, Антон как можно шире улыбнулся и сказал внимательно наблюдающему за ним Матвееву:

– Простите, до сих пор не знаю вашего имени-отчества.

– Зовите Петром Васильевичем, но можно и по фамилии. Я так даже больше привык.

– Так вот, Петр Васильевич. Еще вчера я был заключенным. И теперь мне необходимо время, чтобы прийти в себя, осознать произошедшие перемены и скорректировать поведение.

– В отказ не пойдете? – полушутя-полусерьезно поинтересовался Матвеев.

– Не пойду. Я сделаю все, что в моих силах, потому что прекрасно понимаю свое положение. Я уже говорил вам это вчера. Повторю и сегодня.

– И вы поймите меня, Антон Юрьевич. Операция, которую готовим, необычайно важна.

И я за неё полностью отвечаю. Да, да, именно так обстоит дело! И мне хотелось бы быть уверенным в том, что вы не подведете, не станете идти на попятный.

– Рисковать – ваша профессия. Не так ли?

– Верно. Но долю риска можно рассчитать. По-моему, страх – не тот аргумент, который позволит мне перестать в вас сомневаться. Давайте проведем незримую черту и оставим за ней все лишнее в данный момент: и угрозы со стороны моего ведомства, и ваше сопротивление ему. Ведь оно имело место быть. Операция потребует от каждого участника полной отдачи. Я не хочу тратить силы на то, чтобы держать вас на коротком поводке. Мне необходима ваша полная лояльность. И ее я от вас жду. Говорю сейчас. Когда мы приедем в Москву, к этому разговору возвращаться не стану.

– И чего вы конкретно хотите от меня? В чем заключается лояльность в вашем понимании?

Матвеев улыбнулся и погрозил ему пальцем. Ответил же серьезно:

– Там, за границей, вы должны быть на нашей стороне, а не просто отбывать номер. Вот что я понимаю под лояльностью.

– Вы всерьез считаете меня конченным негодяем, готовым ради свободы помогать вам в поимке дяди?

Зачем Антон сказал это, не мог понять и сам. Выдал себя с головой. Интуиция? Он не любил это слово. Инстинкт. Так будет вернее. Просто он почувствовал, что с Матвеевым надо быть искренним. Он не Торкин.

Матвеев молчал, рассматривая Антона, как какой-то редкий экспонат в музее. По его лицу нельзя было прочесть, что он думает. Антон замер. Ему вдруг показалось, что его дальнейшая судьба решается здесь, в эту самую минуту.

Матвеев кивнул, видимо, своим мыслям. И предложил:

– Дайте мне по крайней мере слово, что не будете пытаться бежать по пути к месту назначения. И к черту наручники.

– Даю слово!

– Тогда мир?

Матвеев протянул руку, и Антон ее пожал.

– Гора с плеч, - засмеялся Матвеев.

Он поднялся и, приоткрыв дверь, выглянул в коридор.

– Эй, парни, хватит там куковать! Заходите!

В коридоре послышался девичий смех.

– Охмуряют проводницу. Черти!

Матвеев от души засмеялся.

Оба оперативника вошли в купе. И в нем сразу стало тесно. Вслед за ними появилась молодая проводница.

– Ваше постельное бельё, – сказала она, искоса поглядывая на парней, улыбающихся ей в ответ.

Девушка бросила быстрый взгляд на Матвеева, смотревшего в окно. Задержалась на Антоне.

– Вы, случаем, не артисты? – спросила она, уже собираясь выходить.

– Ага! Циркачи! – выкрикнул Сергей со смехом.

– Нет, красавица, – пресек его веселье Матвеев. – Мы служащие.

– По финансовой части. Бухгалтера, - добавил Федор.

– А я подумала, что в кино снимаетесь. Уж больно симпатичные!

Проводница еще раз посмотрела на Антона и вышла.

– А вы ей приглянулись, Антон Юрьевич, – заметил Матвеев.

– Мне бы такой костюм, – шутливо сказал Сергей. – Прямо завидки берут.

Поезд шел, постукивая колесами. Матвеев читал газету, а его парни перебрасывались в карты. Антон лежал на верхней полке и дремал. Часа через три Матвеев, ходивший помыть руки, вернулся в купе, занял свое место и открыл портфель. Он достал из него объемистый сверток из плотной упаковочной бумаги.

– Спускайтесь к нам, Антон Юрьевич, – сказал он. – Поужинаем.

– Как раз сейчас чай принесут, – оповестил Федор, тоже выходявший из купе.

– Может, чего покрепче? – спросил с хитрой улыбкой Сергей. – А что, товарищ майор! Ночь впереди. Давайте выпьем для хорошего сна. По сто граммов на душу населения.

Матвеев сначала погрозил ему пальцем, потом подумал секунду и сказал то, чего от него не ждали, но надеялись:

– Давай. Но только по сто, не больше.

– Есть!

Сергей открыл свой чемоданчик и выставил на столик металлическую фляжку.

– И что там? – поинтересовался Федор, тоже вынимая из кармана пальто сверток поменьше, завернутый в газету.

– Там божественный напиток! – расцвел в улыбке Сергей. – Водка, настоящая на травах. Моя бабка делает по рецепту, который переходит в нашей семье от поколения к поколению. Знал бы ты, как она его бережет. Я пытался узнать. Давай, говорю, бабушка, запишу, а то забудешь. И пропадет рецепт. Какое там! Прогнала меня: «Иди, ирод, женись. Жене твоей и расскажу».

– Ты пока убери. Испугаешь проводницу.

В дверь купе постучали. Сергей радостно вскочил и открыл ее. Но вместо смешливой девицы в купе вошла ее напарница. Она держала в руках поднос. И Сергей с Федором тут же переставили стаканы с чаем на стол.

– А где же Люся? – спросил Сергей, выглядывая в коридор.

– Где надо. У нас, молодой человек, работа, а не посиделки.

Проводница неодобрительно покачала головой.

– Сергей. Прекращай, – негромко бросил Матвеев.

– Да я что? – стал оправдываться тот. – Просто пошутил, Петр Алексеевич.

– Приятного аппетита! – с достоинством сказала проводница.

Ей ответили в разной манере и сразу стали раскрывать свои припасы. Матвеев удовлетворенно оглядел столик, уставленный дорожной снедью.

– Приступим, – резюмировал он.

Они основательно закусили вареной курицей, сваренными вкрутую яйцами и пирожками с капустой. Выпили чай со сладкими булочками.

Матвеев не спеша допил из своего стакана и удивленно посмотрел на остальных.

– Чего ждем? Споласкивайте стаканы!

– Я сейчас!

Федор подхватил стаканы, и Сергей открыл ему дверь, решив ждать в коридоре. Когда чистые стаканы вернулись на стол, Сергей радостно потер руки и снова достал свою фляжку. Ее содержимое разлили всем поровну.

– За удачу! – провозгласил Матвеев. И они стукнулись стаканами.

Настойка Сергея и вправду оказалась необычайно мягкой. И Антон почувствовал, что его после съеденного и выпитого неудержимо клонит ко сну. Он извинился, забрался на верхнюю полку и тут же уснул.

Пробудился Антон рано. В купе еще было темно. Вагон мерно покачивался. До Москвы ехать еще часа три. Поэтому встать никто не спешил. Вот теперь можно было поразмышлять: «Пока чекисты играют честно. Повезли в Москву не как арестанта, под конвоем, а вполне цивилизованно. Так ведь и ставки в игре высокие. Матвеев, например, не верит, что его можно удерживать страхом, хочет сделать союзником. Что же, пока планы совпадают. И я буду выполнять все их приказания. А когда окажусь возле дяди, вот тогда и поглядим, что выйдет».

Изломин имел в свое время дело с ОГПУ и очень хорошо представлял их методы работы: убийства из-за угла, пытки, шантаж, угрозы, подкуп, нарушение обязательств. Он не был столь наивным, чтобы не понимать: таковы все тайные службы всех государств. Только одни прикрывались идеологией, а другие – нет. Он участвовал в операции «Трест». Ее целью было: с помощью подставной подпольной организации дезориентировать Белое движение за рубежом и выманить его лидеров в СССР. Операция прошла весьма успешно. Однако все ее организаторы и главные участники оказались на скамье подсудимых, после которой одних ждала расстрельная стенка, а других – лагерь. Как благодарность партии за хорошо выполненную работу.

Он услышал, что на соседней полке завозился Сергей. А по тишине внизу, так как сопение и храп прекратились, можно было догадаться и о пробуждении остальных членов их группы. Антон тоже громко вздохнул, потянулся и посмотрел вниз.

– Доброе утро! - приветствовал его Матвеев. – Проснулись? Тогда спускайтесь. Будем пить чай.

– Доброе утро.

Антон соскочил вниз, обулся и сел на нижнюю полку рядом с потеснившимся Матвеевым. За окном пробегали какие-то хозяйственные здания, штабеля шпал.

– Мы проехали Александров, - заметил Матвеев.

- Я пойду умоюсь.

Антон взял со своей полки полотенце.

– Пожалуйста, будьте первым, - согласился майор.

Антон вышел из купе и двинулся к туалету. За ним действительно никто не пошел. «Неужели настолько доверяют? - он недоверчиво покачал головой. - Нет. Скорее всего в вагоне и в поезде есть еще люди по моему душе». Он зашел в туалет, закрыл дверь и посмотрел на себя в зеркало. «Да. Вид мог быть и получше, - он провел рукой по щеке. - Еще и небрит, но с бритьем повременим». Выходя минут через десять, Антон столкнулся у двери с Федором. Дефилирующей походкой Изломин прошелся по вагону, разминувшись с улыбнувшейся ему старшей проводницей. Подойдя к их купе, он взялся за ручку и услышал голос Сергея. Тот сказал:

– Товарищ майор, я видел в тамбуре соседнего вагона парней из Управления. Не знал, что кроме нас задействованы еще люди. Они нас страхуют?

– Не думаю, – отозвался Матвеев.

Антон, понимая, что его могут застать за подслушиванием, открыл дверь.

Поезд прибыл на Ярославский вокзал в девять часов утра. В Москве тоже относительно похолодало. Но температура была плюсовой, что порадовало Антона. Они вышли из вагона, простившись с проводницами, и сплоченной группой зашагали по перрону. У дверей вокзала их встретили несколько человек в штатском.

– Майор Матвеев? – спросил один из них с колючим взглядом и седой щеточкой усов. – Вам всем надлежит проехать с нами.

Матвеев ничего не сказал, только кивнул. Зато позади Антона удивленно присвистнул Сергей. А Федор тихо сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

– С приездом, дорогие товарищи!

Глава десятая. Главное управление

«Никогда в нашей стране не было так, как задумывалось. И не потому, что жители ее глупее или недалекее всех иных, прочих. А из-за того, что власть всегда торопилась, понукала и подстегивала, словно изначально не верила в желание работать и исполнительность своих подданных. В результате страдало качество или же вовсе все рушилось», – так думал майор Матвеев, меланхолично помешивая ложкой сахар в стакане с чаем. Время шло, а он, как и его группа, собранная для операции «Племянник», все еще находились в Москве. И то, что вины самого майора в этом не было, не сильно поднимало ему настроение. В конечном счете, отвечать за все осложнения придется ему и только ему.

И подгадил Матвееву никто иной, как следователь Торкин. Несмотря на то, что он разъяснил капитану возникшую ситуацию. Тот, притворно подчинившись, не сходя с места, связался со своим начальством и нажаловался на самоуправство Матвеева. При этом Торкин выдал желаемое за реальность, убедив, что якобы подследственный Изломин готов давать обвинительные показания не только на своего дядю, но и остальных, еще не арестованных членов МОЦР. И отсутствие главного обвиняемого в стране никого из руководства Торкина в тот момент не напрягло. Непредвиденным обстоятельством стало и отсутствие заместителя наркома, уехавшего в краткосрочную командировку и не оставившего письменного распоряжения начальнику майора Матвеева. И вместо активной подготовки к операции Матвеев был вынужден оправдываться в своих действиях. Торкин тоже вернулся в Москву и накатал на майора объемистый донос. Он надеялся свалить Матвеева, сделав его подследственным, и получить долгожданное повышение. Как ни покажется удивительным, у капитана были все шансы на успех. Если совсем недавно в камеры внутренней тюрьмы отправляли бывших наркомов и их замов, не говоря о более мелких сошках, то и судьба майора Матвеева могла завершиться также.

В конечном результате Матвеев смог доказать, что готовил операцию с участием Изломина по прямому распоряжению заместителя наркома. Однако, пока тот не вернулся, майор ждал, находясь под дамокловым мечом, и наблюдал, как попусту проходит время. Непосредственный начальник Матвеева, конечно, был в курсе дела. Но, не имея письменного подтверждения операции «Племянник», решил вильнуть в сторону. Изломина вернули Следственному управлению. Вся эта вакханалия продолжалась до возвращения замнаркома, быстро вникшего в возникшую проблему и решившего ее не без изыщества.

В кабинет, в котором обосновался Торкин, и куда уже под конвоем доставили Изломина, стремительно вошел заместитель наркома, сопровождаемый Матвеевым. Блеснув очками, он начал гневную отповедь в адрес вскочившего на манер гуттаперчевого Петрушки Торкина.

– Кто велел вам срывать операцию майора Матвеева? Ваше начальство что, с ума посходило? Надо понимать, что Матвеев не мог действовать в одиночку. Это я! Я дал ему все полномочия!

Заместитель наркома добавил несколько непечатных выражений, высказанных с настоящим кавказским темпераментом, и повернулся к Изломину, вставшему с табурета, окидывая его внимательным оценивающим взглядом. На том была мятая несвежая рубашка, брюки без ремня, на лице с недельной щетиной свежая ссадина.

– Как самочувствие? – спросил замнаркома.

И было непонятно, шутит ли он или в самом деле интересуется здоровьем подследственного.

– Спасибо. Хорошее, – ответил бесцветным тоном Изломин, разлепив сухие губы.

– Я тоже виноват, – сказал комиссар Матвееву, без нужды трогая очки. – Забыл про тебя за всеми делами. Моих устных указаний оказалось им недостаточно. На каждую мелочь надо бумагу! Бюрократы!

Он развернулся к Торкину, вытянувшемуся в струнку.

– Докладные он пишет. Грамотный какой! Ты мне чуть важное дело не угробил, баран! Да я тебя, недоумка, в порошок сотру!

Прокричавшись как следует, будущий нарком НКВД глубоко вздохнул и посмотрел на Торкина, как на лежащий на пути камень, о который невзначай ушиб ногу.

– Вон отсюда!

Торкин выскочил из кабинета с растущей тревогой, понимая, как сильно прогневал высокое начальство. Еще вчера он уже мысленно вертел ромб на свои петлицы. И теперь от его надежд остался один пепел. Откуда ему было знать, что Матвеева, оказывается, действительно прикрывали, причем на самом верху.

Заместитель наркома НКВД лично рук о Торкина марасть не стал. Молния его гнева попала в начальника Следственного управления, отрикошетила в руководителя отдела и воткнулась в уже бывшего старшего следователя капитана Торкина, которому объявили о неполном служебном соответствии.

Пока Управление сотрясали начальственные громы, Матвеев вернулся к тому, на чем остановился. Понемногу операция приобрела форму и очертания. Стали прорабатываться детали. От них порой зависело очень многое. Но чем тщательнее он вгрызался в подготовку, тем медленнее двигалось дело. Матвеев бесился, но время летело гораздо быстрее его усилий. А вот Изломин пережил все неприятности с похвальным стоицизмом. Доверял ли ему Матвеев, что называется, до донышка? Нет, конечно. Знал, что насильно мил не будешь. Изломин подчиняется по необходимости. Взбрыкнет, коли появится случай. Значит, майор был обязан создать такие условия, при которых Изломин поведет себя во время операции так, как нужно. Озабоченность вызывало и то обстоятельство, что Матвеев станет осуществлять лишь общее руководство. Так распорядился заместитель наркома. Ему гораздо легче было бы руководить, непосредственно находясь на месте событий. Но нет. Это будет делать другой человек, несомненно, опытный и с высокой квалификацией, однако даже не находящийся в данное время в Москве. К тому же он присоединится к группе со своими людьми. Поэтому неминуемо возникнет вопрос взаимодействия. Как сработаются Федор и Сергей с теми неизвестными им товарищами - вопрос немаловажный. Матвеев тщательным образом разработал инструкции, переговорил с ребятами не по одному разу и, несмотря на начальственные тычки в спину, ни на йоту не убыстрил процесс. «Черта с два вам! Теперь все пойдет, как планировалось, пусть и со смещением графика».

Матвеев, поднеся остывающий чай ко рту, совершенно не ко времени вспомнил слова заместителя наркома о том, что если операция «Племянник» не будет иметь положительного результата, то ему лучше будет самому застрелиться. Зато в случае успеха получит старшего майора.

Второй ромб занять хорошо, но сохранить голову - лучше. Матвеев начинал еще у Менжинского, когда в моде были образованность, кругозор и умения решать задачи интеллектуального свойства. При сохранении, естественно, идеологических принципов и методов, используемых всеми тайными службами во все века. Матвеев, окончивший до революции реальное училище, а после нее - университет, пришелся тогда ко двору. А сегодня он явно выпадал из обоймы, в которой своими были такие, как Торкин. Что же. У каждого времени свои герои и свои негодяи. Петр Алексеевич глотнул чая, запихнул в рот остаток бутерброда. И сразу же услышал стук в собственную дверь.

– Войдите, – пробурчал он с набитым ртом.

Матвеев усиленно задвигал челюстями, стараясь прожевать, пока в кабинет входили его подчиненные. Их было четверо. Они расселись за столом с двух сторон, готовые к последнему обсуждению перед переходом операции в активную стадию. Не хватало лишь Изломина, помещенного в гостиничный номер под охраной. Разумеется, его о всех перипетиях заграничных действий Матвеев ставить в известность и не думал. Как говорится у Екклесиаста: многие знания порождают многие печали. Например, неизвестно, как поведет себя Изломин, зная, что в случае силового решения вопроса, при невозможности транспортировки обоих родственников на Родину предпочтение будет отдаваться старшему, а племянником решено пожертвовать. И так, чтобы тот уже ничего никому не мог сказать. Очень действенный способ используют в таких случаях гангстеры в США, отправляя свои жертвы на дно с цементным постаментом на ногах. Не говоря о том, что кучное попадание из автоматического оружия в обоих родственников и настигание их свинцом до полного умертвления также будет считаться успешным окончанием операции. Матвеев, благополучно справившись с бутербродом, оглядел своих подопечных на предмет уныния. Ничего такого не заметил, даже наоборот. Их молодые свежие лица и написанная на них готовность выполнить приказ добавляли Матвееву оптимизма. Убедившись, что все участники операции прямо алчут его указаний, Матвеев приступил к делу:

– Товарищи! Подготовительный этап нашей операции завершен. Нам с вами осталось еще раз пройти по всем этапам, чтобы выявить недоработки, если таковые имеются. Все готовы? Тогда начнем. Действующая группа: Красушкин, Чеколдин и Сироцкий. Красушкин – старший. Ваша задача на первом этапе – доставить Изломина во Францию. Маршрут следования группы будет следующим: до Ленинграда добираетесь транспортным самолетом. Затем под видом членов команды садитесь на сухогруз «Олеко Дундич». Он пойдет с грузом во Францию. Разгрузка будет осуществляться в Гавре. Там вы передаете Изломина нашему агенту под кличкой «Летун». Красушкин и Чеколдин переходят к нему в подчинение. А Сироцкий на пароходе возвращается в Союз. Вопросы?

– У меня. Разрешите? – поднял руку, как в школе, Федор Красушкин.

– Говори.

– Каким образом произойдет наша встреча с агентом? И что о нем известно?

Беспокойство Красушкина понятно. Обыкновенно информация о связниках доводилась сразу. В их же случае присутствовала излишняя конспирация. Так считал и сам Матвеев, но высказать сомнение в ее необходимости перед подчиненными не мог. Он и сам не знал имени агента, что, по его мнению, было беспрецедентным случаем недоверия к руководителю операции.

– Все инструкции на этот счет будут в сейфе капитана «Олеко Дундича». Федор получит их в день прибытия судна в Брест, не раньше. И связана такая осторожность с тем, что наш агент очень хорошо законспирирован и предназначен только для выполнения очень опасных и сложных акций. Его засветку необходимо исключить. Ясно? Хорошо. Пошли дальше. Младший лейтенант Косицын получает отдельную задачу – подготовить возвращение в Советский Союз. Он выедет из страны по линии Коминтерна, чтобы подготовиться к транспортировке Столярова в СССР, когда того доставят в Европу. Причем разрабатывает сразу два варианта: через Югославию и через Румынию.

– Так точно! – вскинулся Андрей Косицын. У него это было первое самостоятельное задание, но он уже принимал участие в операциях в Румынии и довольно хорошо знал регион Южной Европы. Майор был в нем уверен, тем более что его будут подстраховывать из полпредства СССР в Югославии.

– Переходим ко второму этапу, – Матвеев сделал паузу. То, что он сейчас скажет, ребятам не понравится. – Как я уже говорил, Красушкин и Чеколдин продолжают операцию. И, несмотря на то, какие будут вводные, вы лично, я повторяю, лично отвечаете за безопасность Антона Изломина. И при успешном завершении операции – за доставку Столярова.

– И какова наша роль в дальнейшем? – задал вопрос Сергей Чеколдин.

– Вы переходите под команду «Летуна». Да. Вы будете делать, что вам прикажут. Он отвечает за операцию. С него и спрос.

– А мы будем прислугой за всё, - шепнул Сергей Федору.

Тот кивнул. Они привыкли работать с майором, у которого каждый знал свой маневр.

А как поведет себя этот «Летун»? Большой вопрос.

– Станем мальчиками для битья.

Матвеев одним взглядом заставил фрондеров примолкнуть.

– Мы с вами обговаривали любые варианты развития событий. Вы имеете право высказать свое мнение по операции, но решение в любом случае будет принимать руководитель. И это не обсуждается.

Матвеев почувствовал, что начинает заводиться и не говорит, а рубит фразами. Он заставил себя сдержаться и продолжил более спокойным тоном:

– Теперь третий этап – возвращение. Примерные его сроки – месяц, не более. Но все будет зависеть от самой операции. В любом случае придется плыть на пароходе до Европы. И далее о вас позаботится Косицын. Мы с вами уже обговорили детали возвращения. Как говорится: и явки, и пароли. Выражаю мнение, что группа готова к выполнению задания. Вопросы?

Все промолчали.

– Тогда больше вас не задерживаю.

Когда члены группы ушли, Матвеев собрал бумаги и положил их в папку. Сегодня ему предстоит докладывать наверх. Кажется, учли любую мелочь, а на душе муторно. Не будь этого глупого доноса Торкина, сдвинувшего сроки подготовки, и появления из ниоткуда засекреченного сверх всякой меры «Летуна», тогда бы он считал, что сделал все, как нужно. Сейчас майор начинал в этом сомневаться.

Глава одиннадцатая. Порт прибытия – Гавр

Пароход, носивший имя легендарного героя Гражданской войны Олеко Дундича¹³, стоял на внешнем рейде Гавра и готовился войти в порт. Несмотря на сильный ветер, дующий с моря, все свободные от вахты члены команды собрались на кормовой палубе. Там же, у борта, чуть поодаль и облокотясь на поручни, стояли четверо пассажиров. О том, кто они были на самом деле, из экипажа сухогруза знали только трое: капитан, старпом и помполит¹⁴. Для остальных же моряков эти четверо являлись представителями торгпредства и сопровождали груз пиломатериалов, который везли на корабле. Гавр – второй по величине грузовой порт Франции. И сюда направлялось большинство поставок из СССР.

– Завтра прямо с утра часть команды отпустят на берег, – сказал Федор, ни к кому конкретно не обращаясь.

– А когда наша очередь? – тут же спросил Сергей.

– По легенде нам нужно дожидаться выгрузки, – ответил Федор. – Было бы странно исчезнуть раньше начала работ.

– Оставим Женьку. Пусть он следит, – шутливо толкнул в бок Сироцкого Сергей.

– Тогда уж лучше Антона Юрьевича, – также шутливо возразил Евгений Сироцкий, самый молодой из группы. – Он наиболее представительный из нас.

– Да-да, согласен, – поддержал Сергей. – Его и так матросы нашим начальником считают.

Все трое посмотрели на Изломина. Но тот невозмутимо продолжал разглядывать порт. За время их путешествия, а оно продолжалось восемь дней, он привык к шуткам и розыгрышам, к которым Чеколдин питал большую слабость и использовал при любом удобном случае. Сироцкий с удовольствием ему подыгрывал. А Федор пусть и не участвовал, но и не пресекал. Веселье Чеколдина не было напускным или натужным, оно шло от его характера, легкого и жизнерадостного. За время плавания он умудрился стать душой кают-компаний, хотя среди моряков имелись и свои завзятые весельчаки и зубоскалы. Но вот как-то этот сухопутный пришелся им ко двору. Порой Антон, глядя на Сергея, забывал, кто тот такой и зачем к нему приставлен. Причем смешливым дурачком назвать Чеколдина нельзя. Он обладал многими способностями, необходимыми в разведке. К примеру, Сергей отлично владел приемами рукопашного боя и бегло говорил на двух языках: немецком и польском, кроме основного – французского. Чеколдин находился в том же звании лейтенанта, что Красушкин, но общего стажа в госбезопасности у него было меньше. И против авторитета Федора он никогда не выступал.

¹³ Олеко Дундич – интернационалист, участник Гражданской войны в России. Служил в Первой конной армии Буденного, прославился своей необычайной храбростью.

¹⁴ Помполит – помощник капитана по политической части. Такая должность была на советских торговых и пассажирских судах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.